

Тени. Сплетенные тьмой

Автор:

[Эмили Болд](#)

Тени. Сплетенные тьмой

Эмили Болд

Young Adult. Даркенхолл. Стражи темного мира #1

Добро пожаловать в Даркенхолл, элитную школу для трудных подростков. На первый взгляд, это обычное учебное заведение, но на самом деле за высокими стенами скрываются опасность и тьма...

Жизнь Эбигейл разделяется на «до» и «после», едва она переступает порог школы. В новом месте девушка встречает братьев Тремблэй, Тристана и Бастиана, но совершает ужасную ошибку, украв у них кольцо.

Девушка еще не понимает, какую темную силу освободила. Ведь Тремблэй – не обычные ученики, а кольцо – не просто украшение. Теперь Эбигейл в большой опасности, и она должна запомнить: поцелуй с Тремблэем может стоить ей жизни.

Эмили Болд

Тени. Сплетенные тьмой

Все права, включая полную или выдержанную перепечатку в любой форме, защищены. Это вымышленная история. Любое сходство с живыми или умершими лицами является чисто случайным и непреднамеренным.

Emily Bold

STOLEN: Verwoben in Liebe (Band 1)

© 2020 by Planet! in Thienemann Esslinger Verlag GmbH, Stuttgart By Emily Bold (author)

Cover design © Johannes Wiebel punchdesign

© Бабикова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Бастиан Тремблэй опустился на колени. Он дрожал, так как ярость вынуждала его следовать за девушкой. Казалось, он волк, преследующий окровавленную косяку, в плоть которой он только что вонзил зубы.

– НЕТ! – рычал он, вцепившись ногтями в пол. Его дыхание было жестким и сдавленным. Пустота внутри требовала больше, чем просто запах плетений Эбигейл Вудс. Ведь он вообще не собирался приближаться к ней. Он не собирался забирать часть ее.

Задыхаясь, Бастиан набрал воздуха в легкие и закрыл глаза. Тщетно: ее дрожащие губы и расширенные от страха зрачки никак не уходили из его головы. Он отчетливо видел, как они вырисовывались на коже от его прикосновений. Темные паутинки, ее плетения души смело выходили на первый план, предлагая ему себя. Покрывали ее кожу трепещущей сетью от самой шеи и становились частью его.

Он больше не будет прежним.

Бастиан так крепко сжал руки в кулаки, что его ногти оставили на коже следы в форме полумесяца.

Затем он яростно разорвал на себе рубашку и посмотрел на то, что сотворила с ним минутная слабость. Неистовая злость бушевала, подобно урагану, его тело покрылось черными сияющими плетениями. Они, казалось, давили изнутри, пытаясь вырваться наружу сквозь кожу. Бастиан знал, что так оно и было.

Он закрыл ладонью шрам на груди и попытался успокоиться.

Он должен держать себя в руках.

И должен найти способ вобрать в себя плетения Эбигейл Вудс, не уничтожив при этом ни себя, ни ее.

Последний шанс

Ранее

Это был мой последний шанс! Я снова и снова повторяла про себя эти слова, чтобы не возражать вслух, когда такси повернуло к воротам Даркенхолла с надписью «Частная территория». Передо мной возвышались стены из желтого кирпича, и я чуть наклонилась вперед, чтобы рассмотреть местность.

Мой последний шанс!

Сверчок разбился о лобовое стекло, и я брезгливо откинулась на сиденье.

Неровные булыжники загремели под колесами, когда водитель нажал на тормоз. Я посмотрела на него в надежде, что он сможет прочитать мои мысли и как можно скорее увезет меня отсюда.

– Ваппинг-хай-стрит, Даркенхолл, – произнес он в нос с индийским акцентом и тут же нажал на таксометр. На заднем сиденье Флоренс рылась в сумочке в поисках кошелька. С дрожью в груди я отстегнула ремень и открыла дверь. Перед моим взглядом предстала роскошная усадьба с белыми ланцетными окнами и ризалитами. Три этажа, острая крыша, покрытая серой черепицей, которая при свете полуденного солнца отбрасывала серебряные блики. Напротив входа растянулась парковая зона, а южнее, сквозь кроны деревьев, мерцала Темза.

– Разве это не чудесно?! – восхитилась Флоренс, достав багаж с заднего сиденья такси и поставив передо мной. – Какой прекрасный сквер! Здесь люди просто обязаны становиться лучше!

Я молча забрала у нее рюкзак и сумку. У кованых ворот на парковке в ряд стояли дорогие машины. Мне в голову пришла мысль, что стать лучше – это совсем не дешево.

– Я чувствую себя тут не в своей тарелке, – проворчала я и закинула сумку на плечо. Она была тяжелой, потому что мне, по-видимому, придется провести в этой школе целую вечность.

Даркенхолл был моим последним шансом...

– Не принимай все так близко к сердцу, Эбби! – попыталась подбодрить приемная мать. Она поправила свою бирюзовую шляпку и распрямила плечи. Флоренс, как обычно, креативно подошла к выбору шляпы, которая делала ее чуть выше; без головного убора она едва доставала мне до подбородка. – Это потрясающая школа!

– Не сомневаюсь... – безэмоционально пробормотала я.

Черты лица Флоренс смягчились. Она приобняла меня, и в ее взгляде я уловила неуверенность. Затем она повесила свою сумочку на запястье и сочувствующе улыбнулась мне.

– Нужно время. – Она осмотрела лестницу на входе. – Помнишь, как мы радовались, что нам удалось определить тебя сюда, – тихо напомнила она, и я почувствовала, как ей хотелось увидеть мой восторг. Нам очень повезло с

Даркенхоллом, так, по крайней мере, говорила Флоренс.

И поэтому, а может, из-за ее страха, что расставание станет еще труднее, она уверенно, с улыбкой на лице засемила по широкой парадной лестнице вверх.

Столбы перил украшали высеченные из камня головы драконов. На мой взгляд, ужасно безвкусно, самое настоящее нарушение архитектурного стиля зимнего сада, уходящего дальше к воде. Наличие денег не всегда означает наличие вкуса...

Проходя мимо оскаливших пасти драконов, Флоренс обернулась ко мне. Теперь она выглядела нетерпеливой. Ее губы шевелились, но я не понимала ни слова. Однако могла себе представить.

– Ну, вот и все! – пробормотала я, достала из серебристой обертки жвачку и засунула в рот. Держа в руках сумку, поправила рюкзак. У меня было с собой все необходимое. Больше не было причин ждать. И все-таки мои ноги словно приклеились к полу. Мне не хотелось заходить внутрь.

Солнце безжалостно палило: на шее и под лямками рюкзака выступил пот. Что ж, у меня не осталось выбора. Я убрала волосы с лица и сделала первый шаг к своей новой нежеланной жизни, но вдруг услышала доносящиеся слева громкие голоса:

– Я не хочу тебя больше видеть, придурок! – завизжала вслед группе парней какая-то девушка.

– На вечеринке в пятницу ты говорила по-другому! – поддразнил ее один из молодых людей. – Там тебе было недостаточно!

Насмешки толпы задели меня, и я искренне посочувствовала девушке.

– Чего пялишься? – заорала она мне, и мое сочувствие моментально исчезло.

– Начинается, – пробормотала я и поставила свои сумки у входа. Вот тебе и лучшие люди...

Я оглядела компанию ходячего тестостерона и поклялась всегда обходить их стороной. Я должна обходить все проблемы стороной!

Как-никак, это был мой последний шанс!

Когда я наконец-то вошла внутрь, Флоренс уже нигде не было.

– Черт, – простонала я и попыталась сориентироваться. Убрав фиолетовые пряди с лица, я окинула взглядом большой холл. Прямо передо мной изогнутая лестница с темно-синими ковриками на ступенях вела на второй этаж. В левой и правой частях фойе располагались длинные коридоры. Высокие потолки простирались над моей головой, отчетливо виднелись балки, а над каждым дверным проемом были высечены какие-то латинские надписи.

– Как я вообще здесь оказалась? – прошептала я, потому что тишина становилась прямо-таки удушающей. Быстро, не давая себе времени на осознание того, что мне здесь совсем не нравится, я крепко схватила сумки и, следуя указателю, направилась к приемной директора, в северную часть здания.

Полуденное солнце, проникающее сквозь арочные окна, рисовало яркие блики на деревянном полу медового цвета, а мои шаги нарушали глухую тишину, пока я шла по бесконечному коридору все дальше и дальше. Я почувствовала облегчение, добравшись до ниши с мягкими диванчиками, расположенной напротив закрытой двери. «Директорат» – было написано на табличке. Пока неплохо!

Я растерянно осмотрелась. Мне стоит постучать? Или можно просто войти? Флоренс и след простыл. Она уже вошла туда без меня?

– Разве здесь нет секретаря? – пробурчала я рассерженно и бросила сумки на пол рядом со скамьей. Немного неуверенно я отвела волосы назад и, заметив, что под мышками выступили пятна пота, скрестила руки на груди.

Войти или подождать? – раздумывала я и пыталась спрятать темные пятна на футболке. Подойдя поближе к двери, я прислушалась.

– Не буду приукрашивать, – услышался глухой голос моей приемной матери через деревянную дверь, – у Эбигейл проблемы.

Ну конечно!

Я надула пузырь из жвачки и посмотрела на пустой коридор. Пятна пота больше не имели никакого значения. У меня были другие проблемы...

Со мной всегда так происходило. Либо я доставляла кому-то неприятности, либо они постоянно возникали у меня. Ничего нового. И все-таки было больно слышать это от Флоренс.

– Девочке пришлось нелегко, и я действительно хочу, чтобы ей удалось здесь освоиться.

Я закатила глаза. Мне часто доводилось осваиваться где-то. Очень часто. Новая школа, новая приемная семья, новое окружение. Прямо как сейчас.

Со вздохом я отошла от двери, села на диванчик и вставила наушники в уши, чтобы больше не слушать эту чепуху.

Конечно, Флоренс по-настоящему беспокоилась за меня. Из всех приемных родителей, с которыми мне приходилось иметь дело, Флоренс была... лучшей. Кажется, она правда меня любила. И я ее. Мне нравилось ее ателье. Ее шляпки. Всем этим она разбудила во мне страсть к рисованию. Будучи ребенком, я рисовала с огромным удовольствием. Я была хороша в рисовании, часами пропадая за этим увлечением. Но когда стала жить в приемных семьях, то забросила его. Я сдалась, а вместе с этим забыла, насколько счастливой меня всегда делали карандаш и лист бумаги. И только Флоренс напомнила мне об этом. Не потому, что Флоренс рисовала, причем исключительно наброски шляп. Несуразных шляп. Они были не в моем вкусе, но царящая в ателье атмосфера буквально дышала идеями ее невероятных творений. Все любили Флоренс. Я тоже. И все-таки я ее разочаровывала. Снова и снова.

Я чувствовала искреннюю благодарность за то, что она воспитала меня. Ведь Флоренс могла бы не усложнять себе жизнь и просто передать меня службе опеки. Вместо этого она потратила большую сумму денег, чтобы устроить меня в эту школу. Я тихо вздохнула.

– Школа для трудных подростков! – уныло повторила я объяснение, которое дала мне Флоренс.

Я должна была высоко ценить то, что она взяла на себя все расходы и потратила столько сил. Но я не могла. Мне казалось, что ей хотелось избавиться от лишнего груза. Будто она бросала меня, как делали все остальные, сразу же, когда со мной возникали трудности.

Я сдула челку с повлажневших глаз и вытянула жвачку длинной нитью, которую намотала на палец, прежде чем продолжить жевать дальше.

подавив в себе неприятные чувства, я сосредоточилась на том, как здесь будет ужасно. Что ж, это ведь намного лучше, чем анализировать поступки Флоренс или свои. Или наши планы.

Я внимательно прислушалась к музыке, звучащей в ушах, словно она могла облегчить мое одиночество, мое желание находиться в безопасности. Флоренс хотела, чтобы я освоилась. Чтобы нашла дом, как она мне объясняла. Но каким образом я должна это сделать здесь? В Даркенхолле! Одно только название...

У меня совсем не было желания выходить во двор школы, где царила гробовая тишина, как на кладбище, а самая большая проблема моих одноклассников, вероятно, заключалась в том, чтобы родиться в обеспеченной семье.

Я включила плейлист с любимыми песнями и сделала музыку громче, немного приподняла руку, чтобы убедиться, что от ужасных пятен не исходит неприятный запах, и попыталась в то же время найти хоть какие-то признаки жизни в пустом коридоре. Школьные стены излучали строгое благородство. Немного пугали.

Мне бросился в глаза герб, красовавшийся над входной дверью. Я знала, как он выглядел, потому что уже гуглила школу. Это был фамильный герб семьи Тремблэй, которая руководила этой школой из поколения в поколение. Перед моим внутренним взором всплыла картина. Старые сварливые зануды, считавшие, что могли бы вернуть меня на путь истинный. При том что мне вообще не нужен был никакой путь, потому что я никуда не собиралась. Я просто хотела сидеть в ателье у Флоренс и рисовать.

С чувством разочарования я встала. От долгого сидения затекла спина, и я сделала несколько шагов, чтобы размяться. Внутреннее беспокойство сжирало меня, хотя, может быть, ожидание было частью этой сомнительной терапии...

Я подошла к одному из арочных окон и выглянула.

Девушки с дорогими сумками в руках и солнечными очками на лбу, служивших скорее модным аксессуаром, а не защитой от солнца, направлялись через парк к противоположной части здания, которая являлась зеркальной копией этого строения. Отсюда виднелось помещение для хранения лодок, расположенное ниже у воды. Плакучие ивы, растущие в парке, свисали на причал; казалось, они хотели дотронуться до воды. На другой стороне, ближе к улице, находились железные кованые ворота, которые образовывали проезд к окруженной стенами усадьбе. Они слегка качались от ветра. Поток воздуха просочился сквозь старые окна, и, несмотря на теплую погоду, по моим рукам пробежали мурашки. Почувствовав себя неуютно, я отвернулась.

Мое внимание привлекли брошюры на стенде из оргстекла, стоявшем сбоку от скамьи, и я достала одну из разноцветных листовок. Бумага была приятной на ощупь, тонкой, дорогой, как и остальное оформление брошюры. Не то чтобы я ожидала чего-то другого.

– Даркенхолл, – тихо прочитала я и перевернула первую страницу, хотя содержание ничуть не отличалось от размещенной на сайте информации, которую я уже изучила. «Расположенная в самом сердце Лондона частная школа предоставляет трудным подросткам последний шанс. Процветание нашего общества усложняет жизнь детям. С большой самоотдачей, терпением и необычным терапевтическим подходом мы открываем для своих учеников новые перспективы. Счастливая молодежь и лучшие люди – наша цель».

Я достала жвачку изо рта и приклеила ее на брошюру с изображенными на ней смеющимися подростками. На этих фотографиях они занимались греблей, играли на музыкальных инструментах и внимательно слушали преподавателей на занятиях.

Конечно, как же им тяжело! С их дорогими часами, новейшими смартфонами, солнечными очками... Роскошная жизнь точно могла убить ребенка!

Я покачала головой и засунула брошюру обратно.

Сделав шаг назад, я уперлась во что-то, точнее, в кого-то.

– Ой! – вырвалось из меня, и я в извиняющемся жесте подняла руки. – Прошу прощения!

Я так отвлеклась, разглядывая зомбированных, ухмыляющихся подростков на фотографиях, что совсем не заметила, как один из учеников прошел по коридору.

– Аккуратнее, стерва! – пробубнил он и поплелся дальше, перекинув спортивную сумку через плечо.

Что, простите?

Мой рот открылся, но я не издала ни звука. Он меня сейчас действительно назвал стервой? Здесь? В Даркенхолле? Там, где отовсюду должно светить солнце?

Не то чтобы я не испытала облегчения от того, что тут на самом деле не все являлось золотом, что блестело. В конце концов, тут шаркал ногами этот тип, и на первый взгляд он совсем не походил на тех зубоскалов с буклета. Хотя парень и носил темно-синюю школьную форму, но как-то неряшливо, чем, как мне показалось, выражал свой протест против подавления индивидуальности! У него были короткие волосы, будто кто-то попытался сделать из него аккуратного мальчика, но их растрепанный вид лишний раз доказывал его бунтарский характер.

– Стерва... – тихо повторила я его ругательство и снова задумчиво опустилась на диванчик. Психолог из органов опеки совершенно точно назвала бы это проявлением подсознательной агрессии. А может, она была не такой уж и подсознательной. Чтобы сказать наверняка, мне в любом случае понадобились бы опущенные на кончик носа очки и обернутый в толстую кожаную обложку блокнот для записей.

Вздохнув, я вытащила маленький карандаш из заднего кармана джинсов и скептически посмотрела на его затупленный кончик. Затем достала крошечный складной нож, который всегда ношу с собой в таких же небольших ножнах, и сосредоточенно заточила графитовый стержень. Мной овладело спокойствие, когда на пол посыпались тонкая деревянная стружка и черная графитовая пыль. Я почувствовала запах свежего дерева и предвкушение радости, охватывающее меня всегда в момент подготовки. Чтобы замести свои следы, я ногой сдвинула стружку под диван, потом открыла рюкзак и достала небольшой блокнот для рисования. Хоть он и не был обернут в толстую кожаную обложку, но казался лучше любого сеанса терапии.

Только открыв его, я уже ощутила внутреннее спокойствие.

Эта школа была ужасной! Запасной путь для избалованных сопляков богатеньких родителей, которые еще не теряют надежды найти хороший колледж для своих детишек. Скорее всего, все они личности, от которых мне стоит держаться подальше. Я чуть наклонилась вперед, чтобы из-под свисающей на лицо челки проводить взглядом парня с подсознательной, а может, и не совсем подсознательной агрессией. Мой карандаш коснулся бумаги, и я начала рисовать. Быстрые штрихи, аккуратные движения.

В конце коридора тип наконец-то остановился и прислонился к стене, чтобы что-то напечатать в телефоне. При этом он оперся ногой о старинную стену, а сумку спустил с плеч и небрежно бросил на пол. Напротив него находилась еще одна дверь, но с моего места невозможно было прочесть надпись на табличке. Да это и не важно. Важным мне казался лишь бунтарский характер этого парня: благодаря ему я чувствовала, что здесь не одна. Школа славилась тем, что исправляла каждого подростка. Усмиряла даже самый неукротимый характер. Но именно этого я и боялась. Я не хотела быть укрощенной. Я хотела быть собой. А этот мерзавец...

Я закатила глаза – да-да, я сама заметила это! Теперь я стала подсознательно агрессивной, но, в конце концов, этот тип назвал меня стервой!

Мой карандаш скользил по бумаге и с каждой стертой частичкой графита, остававшейся на бумаге, я осознавала, что здесь укрощают не всех.

Когда этот ученик вошел в дверь, мне даже захотелось возразить, потому что он исчез, даже не обернувшись. Он вошел туда, а я снова осталась одна. Снова одна в этом коридоре... с кучей проблем, как замечательно выразилась Флоренс.

Смех, доносившийся из зала, заставил меня повернуть голову. Я быстро закрыла обложку блокнота, как будто хотела защитить свое недавнее открытие.

– Это уже будет не вечеринка, если я приглашу на нее такого неудачника, как ты, – кричал один из парней. Он был не один, а в окружении еще трех школьников, но именно он бросился мне в глаза. Высокий и светловолосый. Волосы чуть длиннее, чем я люблю, но манера надменно убирать их со лба, мне понравилась. – Забудь, Гвинед! Твоим старикам придется продать яхту в Монако, чтобы уговорить меня пригласить тебя на вечеринку!

Его приятели засмеялись. Все, кроме одного.

– Пошел ты, Тристан! – Очень полный парень с рыжими волосами самоуверенно ударил себя рукой в грудь. – Когда-нибудь ты придешь ко мне и попросишь чего-нибудь. Все так делают!

Блондин пренебрежительно засмеялся и вскинул руки в беспомощном жесте.

– Даже если и хотел, я не смог бы тебя пригласить, Гвинед. Режим, понимаешь. Извини!

Было отчетливо слышно, что ему нисколько не жаль. В конце концов Гвинед подошел к белобрысому и показал средний палец. Смеясь, блондин повернулся как раз в мою сторону.

Мне стоило отвести взгляд, ведь такие парни, как он, явно не подходили для моего последнего шанса...

Но я не смогла. Глупым образом меня притягивала нахальность этого ученика.

Наши взгляды встретились, и он, прощаясь, похлопал друзей по плечу.

– Свежее мясо, – услышала я его шепот, прежде чем он повернулся в мою сторону.

Ну что за придурок! Уже сейчас он казался мне неприятным. Школьная форма синего цвета сидела на нем как влитая. Волосы выглядели так, будто их хорошенько облизали. Даже издали льдисто-голубые глаза парня, подчеркнутые серебристым галстуком и всем его высокомерным видом, привлекали внимание. Он с интересом посмотрел на меня. Вероятно, потому, что я не соответствовала образу типичной богатенькой школьницы: моя сумка, стоящая у ног, была из спортивного магазина, а не от Gucci. А может, из-за того, что считал меня свежим мясом.

Я быстро опустила взгляд, только чтобы избежать с ним разговора.

– Один из зомби... – проворчала я и прикрыла руками блокнот.

Добро пожаловать в Даркенхолл

Я склонила голову, чтобы не поощрять зомби на разговор со мной, но, очевидно, распознавать язык тела он не умел. Или его просто не волновало, что думали другие. Его пружинистые шаги замерли прямо передо мной, и он откашлялся.

Вздыхая, я подняла глаза. Последнее, что мне оставалось, – это начать пустой разговор с самовлюбленным пижоном, но мне в какой-то степени не хотелось грубить своему товарищу по школе в первый же день.

– Хэй, – скрепя сердцем, выдавила я из себя.

Он остановился напротив и стал рассматривать меня, как незнакомое насекомое.

– Ты, должно быть, Эбигейл Вудс. Я Тристан. – Его голос прозвучал дерзко, и мне показалось, что он меня проверяет. Заметны ли пятна пота под мышками? Я почувствовала, как начали краснеть щеки.

Я ненавидела это!

– Вы получили рассылку или что?

Мне совсем не нравилось, что он знал мое имя. Они вообще что-нибудь слышали о конфиденциальности?

Проигнорировав мой резкий ответ, зомби продолжал ухмыляться и при этом сверкать идеальными зубами.

– Не совсем, – признался он и кивнул головой в сторону приемной директора. – Но если появляется новенький, об этом сразу становится известно.

– Потрясающе, – мой голос был полон иронии. – В таком случае ты уже все знаешь.

Я опустила взгляд и начала беспокойно стучать пальцами по блокноту. Он не мог просто пройти мимо? И забрать с собой эти свои голубые глаза. Зомби-Тристану понадобилось время на понимание моего невербального поведения. Наконец он молча кивнул и продолжил свой путь. Несколько секунд спустя он снова повернулся ко мне.

– Увидимся! – крикнул он и, когда я посмотрела на него, соблазнительно подмигнул.

– Не смогу это предотвратить, – пробормотала я и разозлилась на себя, потому что ухмылка этого примата практически заставила меня забыть о том, как все здесь было ужасно. Включая его!

Я вздохнула и убрала в сумку блокнот. Как раз в этот момент передо мной открылась дверь, откуда вышли Флоренс и высокая светловолосая женщина.

– Это Эбигейл, – представила меня Флоренс и умоляюще посмотрела на меня. Очевидно, она ждала, что я покажу себя с лучшей стороны, поэтому я вежливо пожала руку и кивнула незнакомке.

– Меня зовут Маргарет-Мод Тремблэй. Я директор школы здесь, в Даркенхолле. Очень приятно с тобой познакомиться, Эбигейл.

– Взаимно, – выдавила я из себя и от ее крепкого рукопожатия чуть не опустила на колени. У этой женщины был строгий взгляд и немного длинный нос, что подчеркивало серьезное выражение лица. Ее темно-русые волосы были заколоты на затылке, она также носила очки, которые сначала сняла, но тут же надела обратно.

– Очень хорошо, очень хорошо, – прервала тишину миссис Трэмблэй и протянула мне сложенную карту, которую держала под мышкой. Золотой браслет на ее запястье, неверное, стоил достаточно, чтобы оплатить годовую аренду магазина шляпок Флоренс. Когда я взяла карту в руки, браслет на ее руке зазвенел.

– Здесь есть вся необходимая информация, Эбигейл, – объяснила она. – План здания школы, расположение жилых помещений, справочник с правилами и расписание занятий в комнате антиагрессий, я расписала тебе их на третьей странице. Эти занятия обязательны. Кроме того, здесь указано время, когда закрываются ворота. – Директриса внимательно посмотрела на меня. – Необходимо строго соблюдать этот режим!

Я послушно кивнула: видимо, Флоренс ждала именно этого. Она заботливо положила мне руку на плечо и повернулась ко мне.

– Ты справишься, – шепнула она мне с уверенностью, и поля ее шляпы коснулись моей щеки.

– Конечно, – успокоила я нас обеих. Правда, приготовленный буклет с сотней страниц правил казался мне, скорее, проблемой. Я ненавидела правила!

– Тогда пришло время проводить тебя в твою комнату, – подытожила Маргарет-Мод и движением руки указала направление. – Сюда, пожалуйста.

Флоренс подняла мою сумку, но миссис Трэмблэй покачала головой.

– Сожалею, но по опыту известно, что долгое прощание лишь усугубляет ситуацию.

– Но мне бы хотелось посмотреть, как Эбби будет жить оставшиеся школьные годы, – вмешалась Флоренс.

Маргарет-Мод покачала головой.

– Можете быть уверены, Эбигейл не будет ни в чем нуждаться. – Она забрала сумку из рук моей приемной матери и дружелюбно, но решительно улыбнулась. – Прощайтесь. Я уверена, Эбигейл не терпит осматривать здесь все.

Как же она ошибалась!

Я заставила себя улыбнуться, когда Флоренс, озадаченная словами миссис Тремблэй, приобняла меня.

– Тебе понравится, – заверила она меня охрипшим голосом.

– Определенно, – ответила я. Мне не оставалось ничего другого.

– Во всяком случае, здесь лучше, чем в колонии для несовершеннолетних. – Я не поняла, кого хотела подбодрить Флоренс этими словами. Меня или саму себя.

– Я разберусь, – уверила я ее и постаралась проглотить ком, что встал у меня в горле, но напрасно. Я не любила излишние нежности, но именно в этот момент мне ужасно не хотелось, чтобы Флоренс уезжала. Она погладила меня по спине и прижала к себе так, что я уткнулась в ее волосы с химической завивкой: они казались очень мягкими и выглядывали из-под шляпы, как маленькое облачко. От запаха лака у меня зудело в носу, но я понимала, что буду скучать по нему, как только он исчезнет.

– Постарайся не делать глупостей, Эбби, – всхлипнула она и, обхватив мое лицо руками, с чувством глубокой привязанности пристально посмотрела на меня. – Я не хочу, чтобы тебя отнимали, слышишь? Но ты должна мне помочь. Ты должна поступить правильно. – Она со слезами на глазах нежно погладила меня по щеке. – Я люблю тебя, Эбигейл. Не забывай это.

– Все в порядке. – Почему было так больно глотать? Почему мне казалось, что меня разрывают на куски? Почему, черт возьми, я не могла преодолеть себя и сказать ей в ответ, что я тоже ее люблю? Почему все, что я смогла выдать из себя, – это «Все в порядке», когда на самом деле меня охватила паника при мысли, что я останусь здесь одна?

Сделав шаг назад, я взяла рюкзак и потерла внезапно похолодевшие руки.

– Когда вы попрощаетесь, для тебя начнется новая жизнь, – радостно сказала Маргарет-Мод и протянула мне сумку.

Ну конечно! Когда вы попрощаетесь...

Я незаметно покачала головой в ответ на такую чуткость – и это от директора школы – и закусила губу, чтобы скрыть дрожь.

– До скорого, Эбби, – всхлипывая, сказала Флоренс и помахала рукой.

– До скорого, – прошептала я и последовала за Маргарет-Мод по коридору. В новую жизнь. В счастливую жизнь, если верить глянцевому буклету.

Ярость в нем

Бастиан Тремблэй стоял у окна тренировочного зала. Зала антиагрессий, который в школе прозвали «Четырьмя стенами». По его спине стекал пот, а кулаки продолжали пульсировать после тяжелой тренировки с боксерской грушей. В школьный двор, что находился прямо под ним, через ворота заехала такси. Но это его совсем не интересовало. Девушка с фиолетовыми волосами, растерянно стоявшая у входа, приковывала его взгляд. Было в ней что-то особенное, что видел только Бастиан, хотя она сама даже не догадывалась об этом.

Несмотря на боль в пальцах, Бастиан снова сжал руки в кулаки, потому последнее время в нем все сильнее бушевала ярость. Она рокотала в его крови и лихорадила голову. День ото дня она будет становиться все сильнее, пока полностью не овладеет им, если, конечно, до этого он сам не сможет с ней совладать. Загнанный в угол отчаянной злобой, он разорвал ворот футболки и крепко обхватил кольцо, висящее на шее.

Его дыхание стало жестким и сбивчивым. Девушка войдет внутрь. Скоро. Он будет заниматься вместе с ней в этой комнате и...

Бастиан издал тяжелый вздох, потому что ярость причиняла ему нестерпимую боль. Он сжал кольцо в кулаке сильнее, так что металл впился в кожу. Ему не хватало воздуха. Всегда, когда приходилось долго игнорировать внутренний голод, его грудь сжималась. Он открыл окно и обеими руками схватился за карниз. Девушки уже не было. Она вошла внутрь. Теперь она находилась здесь, как и все другие. Но все-таки... что-то в ней было...

Желание снова пробило брешь в его самообладании, и Бастиан издал устрашающий рык. Он взглянул на свои руки, на пальцы, обхватившие камень, и на темную паутину, расплзавшуюся под кожей, словно тату. Эти черные плетения пульсировали на его предплечьях, как набухшие вены.

Бастиан глубоко вздохнул.

– Не сейчас! – тихо приказал он сам себе и спрятал цепочку с кольцом обратно под футболку. Затем выпрямил спину и начал тереть ладони друг о друга, пока предательская паутина не исчезла. – Я могу это контролировать! – убежденно повторял он, и, действительно, его кожа снова приняла обычный здоровый вид. Два глубоких вдоха. Бастиан снова держал себя в руках. Его пульс восстановился, а боль в груди отступила. Он поднял руку, чтобы закрыть окно, но увидел своего брата, преследовавшего светловолосую школьницу, которая занималась пробежкой в парке.

Догнав девушку, Тристан похлопал ее по плечу, она удивленно обернулась, но обрадовалась ему.

Бастиан застыл. Он не слышал, о чем разговаривали эти двое, но ему это было и не нужно. Все, что он видел, говорило само за себя. Оставалось лишь без зависти признать, что Тристан виртуозно пользовался этим, хотя это его разрушало. Он пользовался этим всегда и везде, где бы ни захотел.

Бастиан выругался и прищурил глаза. Ему не нравилось, что брат, хихикая, утягивал девчонку с собой за деревья, чтобы его не было видно с дорожки. Еще меньше ему нравилось, что Тристан обхватил ее лицо руками и их губы соприкоснулись. Но что его по-настоящему выводило из себя, так это то, что на руках Тристана выступили черные, как ночь, паутинки и продолжали распространяться по коже, пока длился поцелуй.

– Черт побери! – пробурчал Бастиан, и Тристан отклонился от девушки, будто услышал его.

Бастиану даже показалось, что брат повернул голову и посмотрел в его сторону. Ухмыльнувшись, тот вышел из тени деревьев, выглядя при этом так, словно не он только что утолил свою ярость этим поцелуем. Среди бела дня. В школьном дворе.

Бастиан знал, что Тристан не мог побороть свой порок. Но когда компания парней вышла из зимнего сада и обступила Тристана, казалось, что ничего и не произошло. Брат и его друзья, как обычно, дразнили Гвинеду и уже через несколько секунд исчезли за дверью главного входа.

Злость снова овладела Бастианом, но в этот раз он уже мог себя контролировать. Он научился это делать. Потому что, в отличие от Тристана, на него давила не только ярость, но и ответственность. Ему пришлось научиться усмирять переданный по наследству дар, в то время как Тристан с легкостью вбирал в себя все, что видел. Бастиан понимал, что их способность поглощать душевные плетения других людей требует серьезной ответственности. И эта ответственность была больше, чем казалось на первый взгляд.

Тем не менее Бастиан являлся именно тем, кем его создала природа. Точно так же, как и Тристан. И только он услышал звуки в раздевалке комнаты антиагрессий, ярость проснулась в нем с новой силой. Он рычал, в нем бушевал голод, который юноша едва мог одолеть: плетения требовали большего.

– Привет, Бен, – он попытался говорить обычным голосом, повернувшись к семнадцатилетнему парню, младше его всего на год.

Плетения Бена утолили бы голод, облегчили страшную боль. И он оправдывал себя тем, что это помогло бы и парню. Такой поступок казался правильным. Правильным и хорошим.

– Учителя говорят, тебе необходимо пройти еще несколько занятий тут, – начал Бастиан.

– Плевал я на них, – выругался Бен и бросил на Бастиана гневный взгляд. – Я не уподоблюсь тебе и не позволю им себя сломать!

– Тут никто никого не ломает.

Бен засмеялся.

– Тебя не должно быть здесь, парень. Ты не такой, как остальные. Я еще ни разу не видел, чтобы ты выходил из себя.

Бастиан дождался, пока Бен наденет боксерские перчатки.

– Радуйся, – пробормотал он и на мгновение ему показалось, что его схожесть с Тристаном стала заметнее, чем ему бы этого хотелось. Они оба не могли долго находиться в своем облики. И оба руководствовались одной целью. Он пристально посмотрел Бену в глаза: в них бушевало нечто гораздо большее, чем просто гнев. – Ты ошибаешься. Я должен быть здесь. – Бастиан обошел Бена сзади и встал в боевую стойку у груши. При этом он задел плечо парня, отчего злость в нем вспыхнула сильнее.

Он вовсе не сожалел о том, что должно вот-вот случиться. У стоявшего перед ним парня были проблемы. Он собирался совершить вещи, о которых знал только Бастиан. Ужасные вещи, которые принесут несчастье. И только Бастиан мог это предотвратить. Он спасал Бена. Бена и самого себя.

Бастиан Трэмблэй сделал глубокий вдох, и паутина под его кожей начала свою пульсацию в радостном ожидании.

Обойный клей

Трехместная комната! Я лишь покачала головой. Это все-таки дорогая частная школа. И только трехместные комнаты? Как это должно сделать из меня достойного человека? Наверное, на всей планете нет ни одного подростка, которого бы осчастливило проживание в трехместной комнате! А разве достойные люди – это не счастливые люди? Об этом здесь явно не задумывались.

Я остановилась, разглядывая план здания. Я ведь на правильном пути? Я стояла в просторном холле, откуда в разных направлениях вели коридоры. Прямо передо мной переливалась стеклянная витрина с кубками, медалями и цветными фотографиями сборной Даркенхолла по гребле. Я подошла ближе, чтобы рассмотреть фото: на всех спортсменах были светлые шорты и майки цвета морской волны с гербом семьи Тремблэй на груди. Их воля к победе чувствовалась даже сквозь призму фотокамеры. Мне не очень нравились командные виды спорта. Поэтому я отошла обратно и снова обратилась к плану. Куда именно мне следовало идти? Я обернулась вокруг, как вдруг в здании раздался звонок. Со всех сторон стали открываться двери. Казалось, будто классные комнаты выплевывали учеников, в школьной форме выглядящих абсолютно одинаково. Я отошла в сторону, чтобы освободить проход для школьников, потоком хлынувших в том направлении, откуда я только что пришла. Их объединяла еще одна общая черта – дерзкое выражение лица. Возможно, это были дети лондонской элиты. На меня никто не обращал внимания, на что я уж точно не собиралась жаловаться.

В надежде стать менее заметной, я прислонилась к стене и принялась наблюдать за учениками. Похоже, все они мои ровесники: на вид им было лет семнадцать.

Одни собирались в небольшие компании и группки, другие, напротив, ходили по одному. Меня очень интересовало, как выглядели мои соседки по комнате. Я надеялась, что они не напоминали блондинок с длинными до бедер нарощенными волосами, накладными ресницами и накачанными губами, похожих на кукол Барби, как те две, что сейчас прошли мимо меня. Я незаметно закатила глаза. Жить с такими девицами мне совсем не хотелось. По опыту знала, что в основном тяжело уживаюсь с другими девочками. Каким-то образом... я их отпугивала. Не то чтобы специально, но это получалось само собой. И так как количество денег на карманные расходы у нас сильно различалось, то я и не рассчитывала, что мы станем близкими подругами.

А если бы тот, кто знал Флоренс благодаря ее творениям, не замолвил бы за меня словечко в Даркенхолле, то я бы здесь никогда не оказалась.

Вцепившись в план здания, я стала ждать, пока коридоры снова опустеют. Если не считать парочки любопытных взглядов, меня все оставили в покое. Наверняка мне показали бы дорогу к столовой, если бы я об этом попросила, но к такому я еще не подготовилась. Меня охватило странное беспокойство: я чувствовала

себя чужой в этой школе. И хотя я вовсе не считалась скромницей, внутри все-таки поселился страх: я уж точно не могла конкурировать с этими богатенькими детками.

Флоренс верила, что я смогу здесь освоиться... однако при этом я ощущала, словно меня на ходу выбросило из машины. Как можно привыкнуть и быть счастливой, когда ты пробиваешь лобовое стекло и разбиваешься о стену трехместной комнаты с обоями цвета морской волны?

В попытке успокоиться я снова погрузилась в разглядывание плана. Чтобы попасть в столовую, мне нужно было идти прямо. А я правда хотела туда попасть. Для поднятия настроения мне был просто необходим шоколадный батончик. Я шла по коридору, сверяясь с планом, и пыталась запомнить дорогу, чтобы в следующий раз не выглядеть такой потерянной.

– От комнаты вниз по лестнице, затем налево, мимо «ларца» команды по гребле и снова прямо... а там повернуть за угол... – бормотала я про себя. Окна в этом крыле здания выходили на юг, из них открывался бесподобный вид на Темзу и на противоположный берег, где располагались Сады королевской лестницы. Тем не менее я всегда задумывалась, не будет ли близкое расположение к воде казаться жутким и мрачным. Как влажная холодная могила. – Мне нужно что-то сладкое! – тихо выругалась я и, собравшись с силами, ускорила шаг. Эти старые стены будто построили для того, чтобы позволить воображению пройти сквозь них.

Я повернула за угол и облегченно выдохнула. Столовая. Я нашла ее. Сложив план пополам, я засунула его в карман, где лежали карандаш и кожаные ножны с крохотным карманным ножичком, а затем вошла в обеденный зал. Он располагался в современном зимнем саду, который я уже видела раньше. Там было светло и тепло, а вид на Темзу производил еще большее впечатление. Вдали даже виднелись переливающийся фасад устремленного ввысь здания и южная башня Тауэрского моста.

Признаю, меня это поразило.

Часы показывали около четырех часов, и большинство столов пустовали. У самого входа прямо на столе сидели парни в спортивной форме команды и поздравляли друг друга. Они даже не повернули головы при моем появлении.

Меня это, конечно, обрадовало, потому что я сразу же узнала в одном из них того блондина с длинными волосами.

– Дай сюда! Там мой реферат! – кричал один из учеников и пытался поймать руку рыжего толстяка, которого я сегодня уже встречала. Наверное, после отказа ему пришлось доказывать свою мужественность, и он решил отыграться на том, кто слабее его.

Гвинед поднял флешку вверх, опустил ее в карман пиджака и самодовольно ударил себя в грудь.

– Ты имеешь в виду, там мой реферат? – с издевкой произнес он и толкнул дохляка так, что у того чуть не слетели очки.

Со сжатыми кулаками я прошла дальше. Что касалось меня, то я еще не до конца поняла школьную концепцию. Счастливый – понятие довольно растяжимое...

Еще дальше несколько столов было занято, а компания девушек, сидящих слева, с моим появлением прекратила разговор. Компания моделей, мысленно поправила я себя. Тощие, длинноногие, и так много макияжа на лице, что они выглядели пятью однойцевыми близнецами.

Девушки пялились на меня, пока я делала вид, что не замечаю их. Мне стало любопытно, что же они такое натворили, раз оказались здесь. Я прошла между столов и взяла поднос. На раздаче мне пришлось подождать. Решившись отказаться от первого блюда, я взяла фруктовый салат и шоколадный пудинг: у меня гипогликемия, в конце концов. Только это объясняло мои расшатавшиеся нервы. На неоновой-желтой табличке указывалось, что в течение дня разрешалось брать только один сладкий напиток или пудинг.

Само собой разумеется, девушки здесь и так могли бы втиснуться в самые маленькие джинсы из новой коллекции Виктории Бекхэм.

Я задумалась, сколько же ватных шариков в день съедают такие девчонки[1 - Речь идет о хлопковой диете, при которой в пищу употребляются смоченные в соке ватные шарики. Опасна для здоровья. (Прим. ред.)], но тут на мой поднос упала тень.

– Эбигейл Вудс, – обратился ко мне парень, представившийся ранее Тристаном. Он снова с ухмылкой убрал волосы со лба, медленно облокотился на стойку так, будто тоже был в меню. – Ты уже обжилась?

– Обжилась? – Я мысленно покачала головой в ответ на этот вопрос. – Я здесь нахожусь только пару часов! – напомнила я ему.

– Да, точно! – Он засмеялся и продвинул поднос дальше. – Я имею в виду... Ты уже заехала в комнату? Кровать... уже испытала?

Я взяла пудинг и подвинула поднос. Пришлось проигнорировать его самодовольный тон, как и двусмысленный намек.

– Я живу в трехместной комнате, – скромно ответила я. – Кому нужно дать взятку, чтобы получить отдельную комнату?

Веселая искра в его глазах дала мне понять, что я сказала что-то не то.

– Чем ты планируешь заниматься в кровати... чтобы тебя никто не видел?

У меня снова покраснели щеки, и я сильнее сжала свой поднос. Ко всему прочему, он тоже взял пудинг.

– Ничего! Просто мне нравится быть одной, – выдавила я из себя и поторопилась уйти от него, но он следовал за мной по пятам.

– Это не отель, – констатировал он и подмигнул, – где на подушки кладут шоколад и можно забронировать люкс для молодоженов.

– Разве нет? Вот черт! – Я сделала разочарованное выражение лица. – Значит, ошиблась.

Тристана мои слова, кажется, развеселили. Он прошел мимо меня к одному из длинных столов. Его товарищи по команде уже ушли. Он перешагнул через скамью и поставил перед собой поднос.

– Точно так же, как и я, – пошутил он и воткнул ложку в пудинг.

Взяв столовые приборы из ящичка, я замешкалась. Из всех находившихся в столовой учеников он был самым высокомерным. Но единственным, кто заговорил со мной.

Как назло, именно он! Тристан представлялся мне настолько скользким типом, что на его следах можно было поскользнуться. Но расставание с Флоренс меня задело сильнее, чем я ожидала, и поэтому в тот момент я не особо придиралась к своему окружению.

Быстро, чтобы не передумать, я подошла к его столу и села напротив.

– Эй! – по помещению раздался громкий крик, и я повернулась. – Девочки сидят на другой стороне!

– Что? – Я взглядом проследовала за указательным пальцем рыжего парня, показывавшего в направлении компании девушек.

– Веди себя тихо, Гвинед! – предупредил Тристан толстяка, который сидел с заполненным едой подносом.

– Она должна сидеть там! – решительно запротестовал тот.

– Что ему нужно? – в замешательстве спросила я и, сморщив лоб, посмотрела на Тристана.

– Вообще, мальчики и девочки в столовой сидят отдельно, – равнодушно признал он, но показал мне, чтобы я садилась.

– Я могу сесть...

– Нет. Просто садись здесь, – ответил Тристан и сверкнул глазами на толстого. – А ты, Гвинед, позаботился бы лучше о своих делах.

– Правила действуют для ВСЕХ! – упрямо возмутился он и ударил обоими кулаками по столу.

– Сегодня нет! – немногословно ответил Тристан и снова повернулся ко мне. – Забудь его. Он тут ничего не решает.

Я наклонила голову.

– А ты решаешь или?..

Он подмигнул.

– По крайней мере, больше чем он.

– Ну, тогда я спокойна, – с недоверием ответила я и попробовала пудинг. По вкусу он напоминал шоколад, но абсолютно несладкий. – Черт, что это за фигня? На вкус как клей для обоев!

– Он и есть. Просто они примешивают туда коричневый краситель, чтобы не так бросалось в глаза, – поделился со мной Тристан низким голосом, и мне пришлось взять себя в руки, чтобы не засмеяться над его словами.

Мне нравилось, как менялось выражение его лица, когда он улыбался. Сейчас он выглядел не таким заносчивым.

– Это написано в правилах? – подыграла я и задумчиво почесала подбородок. – А то у меня не хватило времени прочитать их полностью.

Тристан серьезно кивнул. Прядь волос упала ему на глаза, и у меня зачесались руки, чтобы убрать ее за ухо.

– Прописано маленькими буквами на пятьдесят седьмой странице. Все блюда, которые подаются в Даркенхолле, на сто процентов состоят из натурального органического обойного клея и прессованного картона. Не содержат сахара, глютена и вкуса. И при этом подходят для веганов. По-настоящему изысканная вещь.

– Действительно! Поэтому разрешено есть только один в день? Иначе у кого-нибудь склеится желудок? – Я сделала вид, что поражена, и продолжила есть

пудинг. Вприкуску с фруктовым салатом он был съедобным. – А колбаски? Там были колбаски, – поинтересовалась я.

Тристан многозначительно кивнул.

– Чистый прессованный картон с клеем для обоев.

Я попыталась скрыть свое хихиканье кашлем и проглотила пудинг.

– Если это так, то моя приемная мать слишком много платит за эту школу!

Улыбка Тристана померкла.

– Твоя приемная мать? Ты живешь в приемной семье?

Пудинг во рту сбился в комок, и мне пришлось приложить усилия, чтобы проглотить его. И зачем я это сказала? Сглупила? Разве мое семейное положение хоть каким-то образом имело отношение к этому хвастливому задаваке?

Словно прочитав мои мысли, он поднял руки и снова опустил их.

– Извини. Дурацкий вопрос. Меня это не касается.

Мне хотелось дать себе пощечину! Настроение только начало улучшаться, а я снова попыталась все разрушить своими необдуманными словами. Я поставила пустые чашки друг в друга, облизала ложку и только потом посмотрела на Тристана.

– Все в порядке. Мои родители... они... – я начала заикаться и встала. – Забудь. Я не очень люблю говорить об этом.

– Эбигейл, подожди, – крикнул Тристан и поспешил встать. Ему хватило всего два больших шага, чтобы догнать меня, он забрал у меня поднос. – Эй, извини. Это было глупо. Я не хотел...

Я вынуждала себя не убегать от проблем, но чувствовала себя так, будто споткнулась в темноте, словно чернота преследовала меня и окутывала, как удушающий туман. Мне стало больно дышать, ядовитый туман жег глаза.

– Все в порядке, – я махнула рукой и подождала, пока он отнесет оба подноса на специальную железную тележку. – Мне нужно идти. Распаковывать сумку, примерять школьную форму, читать правила и так далее, – торопливо объяснила я и провела пальцами по фиолетовым волосам.

Я собиралась уйти как можно скорее. Потому что из прошлой жизни я поняла одно: показывать свои слабости было ошибкой. Особенно людям, которые с помощью денег могут избавиться от любой слабости.

Я не хотела знать, что случилось у Тристана в семье и почему родители отправили его в Даркенхолл. Но я знала, что произошло в моей жизни. И об этом я сейчас вспоминать не хотела. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

– Ну, тогда, – Тристан выдвинул вперед нижнюю губу. – Увидимся.

Я кивнула, так как мой голос выдал бы, что я вот-вот расплачусь. Быстро развернувшись, я врезалась в одну из близняшек Барби.

– Смотри, куда идешь, фрик! – издевательски бросила она, даже не поднимая на меня глаз. Все ее внимание было приковано к парню рядом со мной.

– Эй, Тристан! – притворным голосом сказала девушка и кивнула в направлении четырех своих подруг. – Что насчет празднования вашего успешного выступления на турнире? – спросила она и кокетливо положила руку ему на галстук.

Я тяжело вздохнула. Даже если бы я и не собиралась уходить, эта сцена заставила бы меня обратиться в бегство.

– Что ж, – прошептала я и потерла руку, которой столкнулась с блондинкой. Решительно сделала пару шагов назад.

– Эй, Эбигейл, – крикнул Тристан к огорчению своей новой спутницы. – Увидимся.

Конечно. Как я понимала, этого трудно будет избежать. Мое лицо скривилось в искусственной ухмылке, это выглядело будто мне вырвали зуб, и, хотя Тристан провожал меня взглядом, его рука опускалась по спине блондинки к попе.

Я услышала, как она хихикает, и ускорила шаг.

Не то чтобы для меня это что-то значило. Я ведь... не нуждалась в ком-то, чтобы спастись от одиночества. И уж точно не в этом самодовольном дерзком блондине.

Сомнения одолевали. Мне было знакомо это чувство. Этот... страх остаться одной. И, как всегда, я сделала глубокий вдох, чтобы взять себя в руки. Сжала зубы и попробовала перевести этот страх в то, с чем я смогла бы справиться.

Убрав волосы со лба, я сжала руки в кулаки и решительно направилась к рыжему. Ярость ощущалась намного лучше страха. Темноту, разлившуюся внутри меня, я встретила, как старого знакомого. Она ускоряла пульс и прогоняла воздух через легкие.

Подняв взгляд, я улыбнулась. На подносе Гвинеда громоздилась еда, а еще серебряная фляжка с выгравированными на ней инициалами, в которой угадывалось нечто, явно не похожее на яблочный сок. Я все поняла. Даже его замешательство, потому что я остановилась прямо перед ним. Это сразу бросалось в глаза.

Присев на краешек стола, я аккуратно отодвинула от себя поднос. Вырез моей блузки находился на уровне его глаз, но я сделала вид, что не замечаю, как он пялится на меня.

– Привет, я... – Намотав прядь волос на палец, начала я. – Я Эбби. Сегодня мой первый день, и мне не хотелось делать что-то неправильно, – объяснила я, раскаиваясь, и посмотрела ему прямо в глаза.

Я заметила, что Тристан повернулся в мою сторону. Когда мной правила темнота, я не замечала происходящего вокруг. Он сморщил лоб, когда я дотронулась до плеча Гвинеда, у которого выступил пот, что, кажется, заметили все.

Гвинед выпрямил спину и наклонился ко мне. Он отставил фляжку.

– Правила действуют для всех! – снова повторил он замечание и недоброжелательно прищурился. – Даже для новеньких! – Он оскалил зубы. – Особенно для новеньких.

Я решила не напоминать ему, что фляжка являлась ни чем иным, как нарушением тех правил, за которые он так рьяно боролся.

– Само собой, мне это ясно. Я... я надеялась... мы могли бы... начать все сначала. И забыть... тот случай с рассадкой.

Боже, как было противно подлизываться к этому мерзкому типу. Но я все-таки продолжила и закусил нижнюю губу. Я считала себя плохой актрисой, но, если я правильно оценивала Гвинеда, перед ним достаточно часто подхалимничали, поэтому ему даже в голову не приходило, что я могу предпринять что-то против него.

Он выпрямил плечи и положил толстый палец мне на бедро.

– Ты симпатичная. Только поэтому... – он задел меня за колено, – только поэтому я тебя выслушиваю. Но ты... к сожалению, СБЧВ. Так что... – Он взял фляжку и сделал глоток, затем повернулся к Тристану и бросил на него презрительный взгляд. – Здесь есть кандидаты, которые не выставляют требования. Держись рядом с ними!

Я понятия не имела, что означало СБЧВ, но пренебрежительная манера, с которой он это произнес, говорила сама за себя. Я заставила себя улыбнуться, встала и еще раз рукой провела по его рубашке.

– Как жаль, – протянула я в стиле блондинок Барби, сидящих за первым столом, и повторила любимую фразу Тристана. – Увидимся.

Спрыгнув со стола, я направилась к выходу. Темнота во мне набирала обороты, как мощный торнадо. Мне нравилось это чувство. Оно делало меня сильной. И неуязвимой. Довольная своим успехом, я крепко сжала в кулаке трофей.

У стола мальчика, с которым Гвинед недавно ссорился, я ненадолго остановилась.

– Кажется, это принадлежит тебе, – прошептала я и положила флешку на поднос. Не поднимая глаз, я развернулась и вышла через вращающуюся дверь в коридор. И только когда я осталась одна, из моей груди вырвался смех: я положила руку на сердце и наслаждалась моментом. Моментом, когда тебя не поймали.

Траурная процессия

Полугодом ранее

Из густых облаков, омрачивших небо, струился дождь. Маргарет-Мод открыла зонт еще до того, как вышла из такси, и присоединилась к похоронному шествию. Дорога, ведущая к церковному двору, была усеяна лужами, отчего ее туфли намокли. Пришло много людей, чтобы выразить соболезнования Заку Морану и его жене Наталии. Сотни зонтов теснились у входа в мавзолей, который Моран построил для своей дочери. Белый мрамор блестел от дождя, когда четверо одетых в черное мужчин, несущих на плечах белый детский гроб, разделили толпу на две части, как Моисей море. Следом прошел Зак Моран с безэмоциональным лицом. Под руку он вел убитую горем, рыдающую жену Наталию, ее хриплые всхлипывания отчетливо отображали страдания. Она споткнулась у входа в мавзолей, по краям которого стояли статуи ангелов, Зак мягко подхватил ее и прошептал что-то на ухо. Он погладил ее по спине, но она высвободилась от него и продолжила, пошатываясь, следовать за гробом дочери. Зак бросил взгляд через плечо. Он тоже выглядел подавленно. Безжизненно. Таким же холодным и мертвым, как его ребенок. Он смотрел в сочувствующие лица. В скорбящие лица. Однако утешения ему это не приносило, Маргарет-Мод это знала наверняка. Она, как и все другие, ждала, когда из колонок послышится голос священника, проводившего похороны. Сотрудники службы безопасности стояли спиной к мавзолею и держали людей на расстоянии. Семья, несмотря на свою широкую известность, хотела приватности.

Маргарет-Мод знобило. Слова сочувствия о трагической гибели такой маленькой девочки встали у нее комом в горле. Она сглотнула, но это не помогло. Ей хотелось кашлять, но она не могла нарушить тишину, поэтому незаметно откашлялась в рукав черного пальто.

– Жизнь... забрала у нас слишком рано... оставила пустоту, которую уже никогда нельзя будет заполнить. – Она слушала проповедь и чувствовала запах дыма, потому что, кроме него, в ее голове ничего не было. В какой-то момент она даже обрадовалась, что защищена от посторонних взглядов множеством зонтов. До нее будто доносился гневный голос отца, она видела пояс сестры, ползающей под рождественской елкой, и слышала собственный крик, когда, бросившись защищать сестру, опрокинула стол с праздничным венком. Она задержала дыхание, как в тот момент, когда пламя перекинулось на подарочную бумагу, ковер и елку, а дым распространился по всей комнате.

– ...найти утешение в осознании того, что Бог возьмет ее руку...

Маргарет-Мод моргнула и дотронулась до изуродованной кожи левой руки под пальто.

– Нельзя найти утешение, – тихо возразила она священнику и решительно подняла взгляд. Она сделала шаг назад. Затем еще один. Ряды зонтов в том месте, где она только что стояла, сомкнулись, будто ее там и не было. Она повернула голову и поняла, что она не единственная, кто отошел. Маргарет кивнула в направлении хорошо известных лиц. Они находились там не для того, чтобы посочувствовать семье Моран, не для выражения соболезнований и не потому, что были знакомы с дочерью семейства Моран, утонувшей в домашнем бассейне. Они пришли только потому, что Зак Моран мог им помочь.

Маргарет-Мод кивнула друзьям, до сих пор ощущая на коже жжение. У них всех было что-то общее. Что-то, связанное с миллиардером и визионером[2 - В деловом мире: аналитик и стратег, способный предвидеть развитие рынка, повлиять на него. (Прим. ред.)] Заком Мораном.

Зак мог им помочь. И если он делал это, то помогал себе. Утешение – всего лишь слово. Слово, лишенное значения.

Танки и оборотни

Сегодня

– Спасибо, но предпочту остаться здесь, – я отклонила предложение моих соседок по комнате Жасмин и Эсме пойти посмотреть телевизор в специально отведенную для этого комнату. В целом, несмотря на их постоянное шушуканье и хихиканье, они производили впечатление довольно скромных и милых девушек. Они, не переставая, болтали про модный блог, о котором я никогда не слышала, но, думаю, мы смогли бы ужиться.

– Точно? – переспросила Эсме. В отличие от усыпанной веснушками Жасмин, она была очень худой и носила модную стрижку лонг боб. Ее густые ресницы казались на сто процентов ненастоящими. Улыбка, возможно, тоже.

– Да, точно, – подтвердила я. Не то чтобы мне очень хотелось остаться здесь, но я как минимум собиралась еще ознакомиться с дурацкими школьными правилами. Ради Флоренс, говорила я себе.

Но только за соседками захлопнулась дверь, моя мотивация куда-то испарилась. Я взяла папку, села на мягкий диванчик в оконной нише и посмотрела в ночь. Отсюда виднелся лодочный домик на берегу. Темная, размытая тень в безлунной ночи. Мой взгляд скользнул дальше по живой поверхности Темзы. По ней как раз шел корабль, и волны, расходящиеся от носа, разбивались о каменистый берег.

Я задумалась, чем в этот момент занималась Флоренс. Сидела ли она у окна? Или склонившись над эскизами? С карандашом, зажатым в зубах, создавая новую шляпку? Или, как обычно, разгадывала кроссворд, а на ее коленях сидел кот? Радовалась ли она, что отпустила меня? Может, выдохнула с облегчением? Или в ее груди, подобно серому облаку, расплзалась пустота?

На мгновение закрыв глаза, я услышала, как мурлычет кот, сидящий у Флоренс на коленях, а страницы кроссворда шелестят, когда она вписывает туда букву за буквой.

Я вздохнула и прогнала мысли о доме.

– Не должна была все рушить, не должна, – обвинила я саму себя в том, что случилось, и открыла приветственную папку.

План здания я уже вытащила оттуда, поэтому первой лежала третья страница. Расписание работы комнаты антиагрессий. Директор поставила мне одно занятие на завтра, сразу после уроков.

– Обязательно: легкая спортивная одежда, – прочитала я не очень радостно, потому что могла себе представить, насколько это будет отвратительно. Вооруженный свистком двойник Вин Дизеля, гоняющий меня до тех пор, пока я не почувствую тошноту. Или еще страшнее – психолог, задающий глупые вопросы, пытающийся проанализировать мои проблемы. Возможно, он будет спрашивать у меня правила, пока я буду стоять в планке...

Я начала листать дальше. Часы закрытия ворот. Это напомнило мне колонию для несовершеннолетних. Я привыкла ходить куда захочу. И когда захочу. В некоторых приемных семьях, где я не прижилась, никто даже не беспокоился о моем местонахождении. Я уныло смотрела в окно. Разноцветные огоньки Лондона отражались в реке, но надвигающийся туман медленно поглощал город. Ночами я бродила по улицам. В поисках... злости.

Я встала и надела толстовку. Натянув на голову капюшон, я глубоко вдохнула запах кондиционера для белья. Закрыла глаза. Перед моим мысленным взором пронеслись воспоминания.

Холодный ветер мчался по Гайд-парку и доносил до моих ушей детский смех. Парк Винтер Вандерлэнд притягивал бесчисленное количество посетителей. Светило солнце, пахло снегом. На площадке, покрытой льдом, семьи дружно катались на коньках, а вагончики американских горок с грохотом проносились над головами гостей парка. В воздухе звенел радостный смех.

Я надела капюшон на голову и повернулась спиной к ветру. Затем засунула в рот еще один орешек в карамельной глазури. Сладость на языке и хруст – настоящее наслаждение.

– Очередной круг – очередное счастье! – через громкоговоритель артист зазывал к себе народ, в то время как рядом со мной под звон колокольчиков медленно

крутилась детская карусель. Круг завершился, ожидающие родители получили обратно своих отпрысков, которые от поездки ощущали легкое головокружение. Я ухмыльнулась, когда маленькая девочка со светлыми волосами и кучей кудряшек на голове спрыгнула с лошади на карусели и с горящими от восторга глазами побежала к маме. На ее шее болтались толстый шарф и красные варежки на резинке.

Она выглядела такой счастливой, и это поразило меня до глубины души.

- Еще круг, - упрашивала маму малышка, но мать с сожалением покачала головой. - На первый раз достаточно, мышонок. Это недешево, милая.

- Ну, пожалуйста, мама. Еще кружочек!

- В следующий раз, хорошо? - мать села на корточки и надела малышке варежки.

Я смяла бумажный пакет с миндалем и засунула его в карман толстовки. Вдруг мне стало холодно, и ветер принес уже не веселый смех, а крики пассажиров с башни падения. Я слышала лишь жуткие вопли, доносящиеся из «Пещеры ужасов», вместо радостных, оживленных звуков ярмарки. Обернувшись, я увидела лицо жуткого оборотня. Темные тени тянули ко мне свои лапы, и я сделала шаг назад.

Мне не хотелось этого видеть. Очень быстро я развернулась к светящемуся тиру. Какой-то мальчик с надутыми губами яростно топнул ногой и бросил на пол огромного медведя, которого только что выиграл.

- Я хочу большой танк! - кричал он и бил маму по руке. - Большой танк! Большой танк! - громко повторил он свои требования. - Я не хочу этого дурацкого медведя! Я хочу танк! Сейчас же!

- Может, прокатайся еще круг на карусели? - попыталась успокоить его мать, но он испепеляющим взглядом все смотрел на тир.

- Дурацкая детская карусель! Дурацкий тир! Здесь все дурацкое! - проорал мальчик и засунул руку в карман куртки. Он бросил билеты маме под ноги и

снова топнул ногой.

Я потерла веки и глубоко вздохнула. Мне стало беспокойно еще до того, как я направилась к ним. Мать мальчика наклонилась за билетами и небрежно засунула их в карман. Я нашла глазами девочку с белыми кудряшками. Она держала маму за руку и, опустив плечи, следовала за ней. Ее полный тоски взгляд был прикован к вращающейся карусели. Очередной круг – очередное счастье для тех, кто мог себе это позволить. Так здесь было заведено...

Я приближалась к тире, и с каждым шагом грохот в ушах становился все громче. Пульс ускорился, во мне проснулось что-то большое, сильное, темное. Быстро и умело я воспользовалась столпотворением на ярмарке, чтобы залезть в карман несчастной мамочки мальчика. Моя рука молниеносно скользнула внутрь. Я нащупала ее кошелек, солнечные очки, шелковый платок. Но я искала кое-что другое. Как только пальцы ухватили круглые билеты, я постаралась незаметно вытащить руку.

– Извините! – промямлила я и опустила взгляд. Сиреневая прядь упала на лицо, я быстро отвернулась и исчезла в толпе. Первые снежинки, воздушные, как сахарная вата, опускались на землю. Я моргнула, когда одна снежинка попала мне на ресницы.

Я огляделась: посетители парка даже не замечали снег, покрывающий их головы, как пудра, и ложившийся на крыши ларьков. Я знала, что он пролежит недолго, и, пробираясь сквозь толпу в нужном направлении, протянула руку, чтобы поймать снежный кристалл. Снежинка растаяла очень быстро, так же быстро, как заканчивается счастье после поездки на карусели. Озябшая, я выдохнула пар изо рта и опустила руку. Нужно продолжить путь...

– Вот, возьми. – Я опустилась на корточки рядом с кудрявой девочкой и протянула ей скрепленные между собой билеты. – У меня остались лишние, если вдруг ты хочешь...

Ее глаза засияли, и этот свет, словно кулаком, разбил страшную темноту во мне и наполнил счастьем.

– Мама! – закричала она и немного подпрыгнула, будто не могла устоять от счастья. – Девочка...

Я быстро встала и, засунув руки в карман, нырнула в толпу. Скрывавшаяся под капюшоном, безликая девушка посреди толпы. Я вдохнула запах кондиционера и сжала в руках пакетик с миндальными орешками. Ярмарка в Гайд-парке доставляла мне настоящее удовольствие. Но мне нравилось также слышать биение сердца, когда я замирала в себе темноту!

Открылась дверь комнаты, и Жасмин с Эсме вошли внутрь.

– Уже вернулись? – спросила я и попыталась вернуться в реальность. Как долго я сидела тут, погрузившись в воспоминания?

Я убрала волосы назад и при этом заметила на коленях приветственную папку. Дальше часов закрытия ворот я не продвинулась.

– Время спать. В десять выключается свет, – объяснила мне Жасмин и взяла в руки пижаму и косметичку. – Между прочим, сегодня ты была главной темой для обсуждений, – крикнула она мне, когда снимала с крючка полотенце.

– Я? В смысле?

Эсме поднесла руку ко рту и стыдливо захихикала.

– Тебя видели с Тристаном.

– Ну и? – Я никак не могла понять, в чем дело.

Веснушчатые щеки Жасмин слегка покраснели.

– Ходят слухи, что... – Она округлила глаза, поправив очки на носу, но не сказала больше ни слова.

– Что «что»?

– Он это не всерьез, просто знай, – ответила Эсме.

– Что, простите?

Лицо Жасмин стало таким же красным, как полотенце.

– Тристан клеит каждую девчонку!

Я сглотнула и, обороняясь, подняла руки.

– Вы, наверное, неправильно поняли! – я начала защищаться. – У меня и в планах не было позволять клеить себя. И уж точно не этому пижону Тристану.

Не знаю, убедила ли я своих соседок этими словами, но они направились в сторону уборной, расположенной в конце коридора, перешептываясь и хихикая.

Я глубоко вздохнула и убрала волосы со лба.

– Не позволю себя цеплять! – дала наставление сама себе. – Это мой последний шанс! Поэтому мне не нужны проблемы, тем более с прыщавыми одноклассниками!

Я выругалась про себя, потому что у Тристана не наблюдалось ни единого прыща. Напомнила себе, что он выглядел чертовски хорошо, и нервно потерла руки. Раздражающе хорошо.

– Соберись, Эбби! – подбодрила я себя. – Ты совершила уже достаточно глупостей!

Я положила папку на прикроватный столик и встала. Темнота в окне внезапно напугала меня, и я почувствовала себя одиноко. Я попыталась вернуться к мысли о Флоренс, но тот момент уже был упущен. Я даже подумала, не отправить ли ей СМС, но отбросила эту мысль. Нелепо в первый же день тосковать по дому.

– Обязательно справлюсь с этим! – яростно пробормотала я и достала пижаму. – Даже с дурацким расписанием! – Хотя к этому мне только предстояло привыкнуть. Так же, как и к общему душу.

По дороге в уборную мне встретились болтающие девушки. В отличие от дневного времени, когда все одевались в одинаковую форму, сейчас они носили ночные рубашки, и только в этот момент ученицы проявляли собственную индивидуальность. Золотистая шелковая пижама, рубашка с цветочками и даже халат с вышитым фамильным гербом, за которым могло скрываться все что угодно, – в общем, чего там только не было. Я вздохнула с облегчением, когда поняла, что из-за слишком позднего прихода вся комната находилась в моем распоряжении. У одной стены в ряд стояли восемь раковин, а на другой стороне – три унитаза и три душа с занавесками.

– Отлично! – я поставила сумочку на край раковины и нырнула за одну из занавесок. В сливе застряли светлые волосы. Сморщив нос, я вернулась обратно к раковине уже в другом настроении. – Лучше, чем в колонии для несовершеннолетних! – попыталась подбодрить себя и иронично подмигнула своему отражению.

Я сняла с головы капюшон и взяла в руки расческу, медленно расчесала волосы и заплела косичку длиной до плеч, затем принялась смывать тушь и подводку. И с каждым использованным ватным диском чувствовала себя более уязвимой. Как рыцарь, снимающий свои доспехи...

Глубоко погружившись в мысли, я почистила зубы, умылась и надела пижаму – серые шорты с принтом Сноору и майку. Бросив последний взгляд в зеркало, я не узнала себя. Мне не нравилось то, что я видела. Казалось, что я выгляжу младше семнадцати, потому что моя грудь не претендовала на выдающиеся рекорды, а ноги напоминали спички. Даже съедая по две порции пудинга в день, мне не подошел бы размер S.

– Иди в кровать! – тихо приказала себе и взяла сумочку. И только я вышла в коридор и направилась к своей комнате, как выключился свет. – Сейчас, серьезно?

Часы пробили десять, и я, вздыхая, отправилась дальше на ощупь.

– Ненавижу эту школу! – проворчала я и на секунду у меня перед глазами всплыл образ Тристана. – Ну ладно, может, не настолько ненавижу... – поправила я. – Но хорошей ее точно не назову!

Художница

Как можно более незаметно я попыталась влиться в поток школьников и добраться до своего класса. Меня захватила толпа, и я не смотрела по сторонам. Веки после первой бессонной ночи в Даркенхолле налились свинцовой тяжестью. Чувствовала я себя так, словно простудилась.

Я не имела ни малейшего понятия, что меня ждет дальше. Единственное, что я запомнила: первыми двумя уроками у нас была математика в кабинете 207. И этот класс находился прямо передо мной. Я прикусила нижнюю губу и расправила гофрированную школьную юбку. Воротник белой блузки царапал шею, а темно-синие гольфы выше колена вообще мне не нравились. Казалось, я выгляжу отвратительно. Впрочем, так же, как и все остальные.

Немного неуверенно я вошла в кабинет. За кафедрой у доски стоял учитель. Несложно было догадаться: твидовый пиджак и вельветовые брюки. Когда он поднял голову, наши взгляды встретились, и он подошел ко мне.

– А... Эбигейл, – дружелюбно поприветствовал он меня. – Добро пожаловать в Даркенхолл. Меня зовут Константин Кросс. Я уже слышал о тебе.

– Ага. – А что мне еще оставалось ответить на это? В конце концов, я о нем еще ничего не слышала.

Он кивнул и указал на пустую парту.

– Найди свободное место. У нас нет строгого порядка в плане того, кто где сидит.

– Хорошо... тогда... – я чуть отошла от доски. Кросс следил за каждым моим движением, и я, недолго думая, опустилась за вторую парту, хотя мне очень хотелось сесть подальше.

– Я рад, что нам удалось найти для тебя место в этой школе, – сказал Кросс и прошел за мной. Он присел на край стола и стал внимательно разглядывать

меня.

- Доброе утро, мистер Кросс. Одна из одноклассниц села рядом со мной.

- Доброе утро, Аннабель. - Он бросил короткий взгляд на девушку, ее беспокойство ему явно не понравилось.

- У меня вопрос по вчерашнему заданию, - Аннабель воспользовалась возможностью и достала из сумки тетрадь. - При разложении числа на простые множители здесь должен стоять минус.

- Сейчас мы это разберем, - прервал ее Кросс и испытующе посмотрел на меня. - А мы... поговорим в следующий раз. - Он встал и направился к кафедре, где принялся листать учебник по математике.

Значит, разложение на простые множители. Я уже проходила это. Не должно было возникнуть никаких трудностей. На самом деле для первого знакомства я посчитала это хорошим знаком: я могла произвести приятное впечатление на своих одноклассников.

Я закатила глаза. Производить впечатление на только что вошедшего одноклассника я не собиралась. Я уже это сделала. Он клеит каждую! - крутились в голове слова Жасмин.

Тристан увлеченно разговаривал с другим парнем, но прекратил, как только увидел меня. Похлопав того по плечу, блондин ухмыльнулся мне.

- О, привет, Эбигейл. - Он подошел ближе и сел передо мной. - Ну, сейчас-то обжилась? Можешь, наконец, сказать... как тебе кровать? Сойдет? - Он не достал ни тетрадь, ни учебник. Просто сидел и пялился на меня.

- Не думаю, что я здесь обживусь! - уклонилась я от его двусмысленного вопроса и неуверенно провела рукой по волосам.

Его улыбка стала шире, он наклонился ко мне и с сочувствием спросил:

- Настолько плохо?

– Они просто выключают свет! – пожаловалась я. – Мне пришлось в темноте идти на ощупь по холодному коридору!

Проклятье, эти глаза... Он не может смотреть куда-нибудь в другое место?

Тристан тихо рассмеялся.

– Мне кажется, это было прописано в правилах.

– Очень смешно! – я скрестила руки на груди. – Объясни мне, как за один день можно запомнить пять тысяч правил? Как долго ты здесь учишься? – спросила я. – И не говори, что сам знаешь правила. В столовой ты перетащил меня не на ту сторону!

– Можно их не знать, а можно просто не придерживаться, в этом есть разница, – со смехом пояснил он.

Мне нравилась его улыбка и то, как при этом менялось его лицо. Он становился более открытым, и это цепляло. И хоть я пыталась себя сдержать, но все же хихикнула.

– О, извините! Тут ты, конечно, прав. – Я подмигнула ему. – Ты настоящий бунтарь. Анархия, определенно, твое второе имя.

– Не совсем. Гилберт Лоренс – мое второе имя.

Я фыркнула.

– Что? Тристан Гилберт Лоренс? Ты шутишь! Что твои родители имели против тебя? – пошутила я.

Тристан тоже ухмыльнулся.

– Ты же не всерьез сейчас смеешься надо мной? – спросил он и сделал обиженное лицо.

– Нет, совсем нет. Я рада, что мы завели этот разговор именно сейчас, а не вчера.

– Почему?

– Я не люблю в первый же день портить впечатление о себе.

Смех Тристана заставил обернуться наших одноклассников.

– Я тоже привык ждать с этим до второго дня.

Проклятье! Его искренний смех сбивал меня с толку. Я смеялась нечасто. И уж точно не с парнями. Это казалось так странно. Но в то же время гораздо лучше, чем обычно.

Тристан клеит каждую! – звенело у меня в ушах, поэтому я даже обрадовалась, когда мистер Кросс закрыл дверь, и прозвенел звонок на урок.

Акцент был сделан на слово даже...

Все ученики заняли свои места, Тристан тоже сел и повернулся к доске.

– Всем доброе утро, – обратился к классу учитель. – Начнем с учебника, страница 89. Основная теорема арифметики.

Теорема арифметики? Что за? Боже, а я думала, что смогу пару дней отдохнуть!

Быстро достав какую-то чистую тетрадь из рюкзака, я открыла книгу на нужной странице. Однако с облегчением обнаружила: то, что мне казалось на слух таким сложным, я уже действительно проходила. Я решила все задания намного быстрее своих одноклассников, до сих пор погруженных в изучение учебников. У меня не было никакого желания получить дополнительное задание, я справилась с задачами быстрее остальных, поэтому пролистала тетрадь и взяла карандаш. Мистер Кросс представлял собой отличный объект для зарисовки: он сидел за кафедрой, склонившись над книгой и сморщив лоб. Но другой человек меня привлекал больше. Я покосилась на Тристана, и карандаш будто сам опустился на бумагу. Прямая линия подбородка, но не такая примечательная,

как его глаза. Я хорошо их помнила: полные ясной синевы, чистой и проникновенной красоты. Со своего места я видела, как длинные ресницы Тристана отбрасывали тень на его щеки. Прямой нос и мягкие губы. Его лицо выглядело очень высокомерно, так я и нарисовала. Но, когда я разглядывала рисунок, то поймала себя на мечтательном вздохе.

- Черт возьми! - пробурчала я и засунула карандаш между зубов.

- Что-то не получается? - оторвал меня от размышлений мистер Кросс. Я даже не заметила, как он встал и оказался возле меня.

- Что, простите? - спросила я, вытащив карандаш изо рта, и быстро пролистала на страницу с заданиями.

- Все ли получается? - повторил он свой вопрос.

- Да-да. Все в лучшем виде. Все хорошо! - заверила я его.

- Отлично, тогда... - он забрал у меня из рук тетрадь и начал рассматривать решенные задания, - тогда давай посмотрим, как ты справляешься с другим материалом.

Я сжала руки в кулаки и помолилась, чтобы он не перелист...

- Черт! - вырвалось из меня, когда мои самые страшные опасения сбылись.

- Что у нас тут? - спросил учитель и начал рассматривать рисунок. Все ученики в этот момент уставились на него.

- Что ж, наша новая ученица Эбигейл Вудс обладает талантом, как мне кажется, - обратился он к классу, не показывая рисунок. Тем не менее я ловила то один, то другой взгляд на своем творении.

Кровь прилила к моим щекам. Я сжала карандаш так крепко, что его острый конец чуть не проткнул мне палец. Хотелось провалиться сквозь землю.

– Она нарисовала Тристана, – услышала я шушуканье. Хихиканье моих одноклассников выводило из себя, но хуже всего была самодовольная ухмылка Тристана!

– Наша Эбигейл – настоящая художница, – похвалил меня Кросс. Его слова вызвали во мне чувство жгучего стыда.

Класс громко засмеялся.

– Мистер Кросс! – внезапно на помощь пришел Тристан и протянул руку к моей тетради. – Может быть, продолжим занятие? – предложил он приказным тоном.

Лицо Кросса помрачнело.

– Мистер Тремблэй, – гневно сказал он. – Сколько можно напоминать вам, кто здесь ученик, а кто учитель? – Он зло сверкнул глазами на Тристана, но я ничего не поняла. Я очень удивилась, услышав обращение к Тристану. Он сказал Тремблэй? Тремблэй, как и... директор школы? Тристан Гилберт Лоренс Тремблэй? Это возможно?

Я стала разглядывать Тристана, тщетно пытаюсь найти хоть какое-то сходство с Маргарет-Мод.

– Просто продолжайте вести урок, – напористо произнес Тристан и схватил мою тетрадь. Он не вырвал ее из рук Кросса, но очень решительно забрал. – И забудем этот... случай.

Нельзя было не заметить, как злился учитель. На его лбу образовались глубокие складки, а губы он сжал так сильно, что они побледнели.

– Ну конечно! – прорычал он и встал за кафедру. Снял свой твидовый пиджак и до локтя закатал рукава рубашки. – В таком случае я предлагаю выполнить вам задания на страницах 89 и 90 к следующему занятию.

По классу прокатились стон и недовольное бурчание.

– Те, кому это не нравится, могут поблагодарить мистера Тремблэя и нашу художницу, – добавил Кросс.

– Ты знаешь, как не понравиться новым одноклассникам! – сказал мне Тристан по дороге на физкультуру. Я очень торопилась, потому что хотела поскорее покинуть класс.

– Я? – от неожиданности остановившись, я растерянно посмотрела на него. – Это ты вывел из себя Кросса! – набросилась я на него. – Кроме того, ты должен был предупредить меня, что один из Тремблэев!

Тристана, кажется, это не задело.

– Зачем? Что это меняет? В любом случае я за тебя заступился. Не важно, кто я.

– Легко так утверждать, когда школа принадлежит твоей семье, а твоя мать – директор!

Теперь все стало ясно. Почему он так спокойно отреагировал на тот случай в столовой, и как самоуверенно вел себя... по отношению к учителю.

Создавалось такое ощущение, что меня предали. Легче уж выпустить всю злость на него, чем стыдиться из-за рисунка. Этот идиотский рисунок. И зачем я его вообще нарисовала?!

– Маргарет-Мод не моя мать. Она моя мачеха, – безэмоционально поправил он меня, и, хотя мне это показалось чрезвычайно интересным, я молча скрестила руки на груди.

– Ты обиделась, – констатировал он без всякой необходимости.

– Умник! – я покачала головой. – Ты меня обманул!

– Ну хватит! – Тристан протянул мне руку, чтобы прекратить спор. – Мы едва знакомы. И ты не спрашивала меня, кто я. Думаешь, легко в этой школе быть Тремблэем?

– Наверняка легче, чем не быть Тремблэем! – фыркнула я и отвернулась от него. – Ты тоже живешь в трехместной комнате? Или придерживаешься пяти тысяч правил? Я так не думаю, ведь, если ты захочешь, чтобы девушка сидела на стороне парней, в конечном итоге это не будет нарушением, верно?

Тристан кивнул головой и потер шею.

– Послушай, Эбигейл. Поговорим... позже. Мне нужно на греблю, а тебе на физкультуру. Нам надо идти.

– Ого! – я сделала вид, что шокирована. – Иначе возникнут проблемы? – я наигранно прикрыла рот рукой. – Этого нам действительно стоит избегать! В конце концов, эта школа славится тем, что здесь умирляют бунтарский характер, не так ли? – Конечно, мне не следовало с ним ссориться, ведь он являлся единственным человеком в Даркенхолле, с кем я вроде бы наладила так называемую связь. Но из-за рисунка мне было так неприятно, что я не знала, как по-другому отреагировать. Меня очень задело, что он умолчал о том, какое положение на самом деле занимал в школе.

Развернувшись, я ушла оттуда в подавленном состоянии. Если бы я знала, что он пойдет за мной или что-то скажет мне вслед, я бы так не поступила. Наверное, такому парню, как Тристан, не приходилось выслушивать упреки. Может быть, он не привык, чтобы люди реагировали по-другому, без восхищения и обожания, узнав, что он из семьи Тремблэй.

– Черт! – выругалась я и почувствовала, как эмоции вот-вот вырвутся на свободу. Я любила выглядеть хладнокровной, словно меня ничто не трогало, и всегда так делала, когда ситуация становилась критической. Так я защищалась, когда приемные родители снова и снова возвращали меня органам опеки. Когда они говорили, что любят меня, просто не могут со мной справиться... что проблемы... – Соберись! – подбадривала я себя, потому что чувствовала взгляд Тристана. Разве он не может просто уйти? Почему он пялится на меня?

Я заставила себя идти дальше.

– Только не останавливайся! – повторяла я, как заклинание.

Я Эбигейл Вудс! Я не показываю слабостей! И тем не менее мои колени дрожали, когда я дошла до раздевалки спортзала.

– Эй, Эбигейл! – Я проигнорировала его крик и упрямо прошла дальше. – Раздевалка для девушек справа! – крикнул Тристан, посмеиваясь.

Ну конечно! Я сжала руки в кулаки и развернулась в нужном направлении, до меня все еще доносился его смех.

Пропущенный сеанс

Я намотала на палец жвачку и, вытянув ее длинной нитью, засунула обратно в рот, продолжив жевать. Ветер поддувал под юбку школьной формы. Не хотелось признавать, но здесь, на берегу реки, я оказалась не случайно.

Моя ярость поутихла во время урока физкультуры, и я пришла, чтобы извиниться. Возможно, мысленно я согласилась с ним, что отреагировала слишком бурно. Мы ведь правда не являлись друзьями. Мы едва познакомились. Он не знал обо мне ровным счетом ничего... а я о нем совсем чуть-чуть. Я должна держаться от него подальше. Он клеится к каждой! – молотком стучало у меня в голове, но я не обращала на это внимания. Тристан был не в моем вкусе: милый – да, но определенно слишком самовлюбленный, чтобы связываться с ним. А раз для меня не представляло опасности быть очарованной им, я хотела как можно скорее уладить нашу ссору.

Смахнув волосы с лица, я осмотрела лодочный домик и берег реки. После урока физкультуры я поспешила переодеться и пришла сюда в надежде застать его после тренировки.

Нет, я не бегала за ним. Я... просто не хотела ссор так скоро после моего прибытия сюда, в Даркенхолл.

Флоренс искренне верила, что я попытаюсь влиться в здешнее общество. Точно. Я делаю это ради Флоренс!

Несколько одноклассников слонялось по галечному пляжу в спортивной форме гребцов, но байдарки больше не скользили по воде.

Я не нашла среди них Тристана, и мое настроение странным образом упало. Воздержавшись от ругательств, я подошла ближе к лодочному домику, заглянула в приоткрытую дверь, но и здесь, кроме канатов и оборудования для гребли, ничего не заметила. Тут никого не было.

– Отлично! – с чувством разочарования поднялась на тропинку, ведущую к школе, и в последний раз бросила взгляд на галечный пляж. Солнце покрыло его серебром, отсюда я прекрасно видела Тауэрский мост на западе. Взяв рюкзак и бросив его рядом на причал, я села на верхнюю ступеньку и закрыла глаза, чтобы на мгновение насладиться солнцем. Надеялась, что парни внизу у воды правильно поймут язык моего тела и им не придет в голову дурацкая идея заговорить со мной на обратном пути. Стресса, которого я натерпелась вчера от человека, заговорившего со мной, было достаточно!

Мне нравилось ощущать тепло. Особенно потому, что меня никак не покидало чувство, что стены Даркенхолла холодом проникали под кожу.

Парни, судя по отдалению голосов, направились в сторону школьного двора. Не хотелось слышать их грубые комментарии, поэтому я надела наушники. Ничего не замечая вокруг, я попыталась разглядеть свой плейлист, перелистывая быстрые рок-композиции. Я прищурилась от солнца, но краем глаза успела взглянуть на гребцов, которые шли в сторону зимнего сада. Итак, я не ошиблась: Тристана среди них не было.

В растерянности снова открыла глаза. Долго мне еще ждать? Или своими действиями я выставляю себя на посмешище?

– Идиот, – пробурчала я и достала карандаш. Прошлась взглядом по переливающейся на солнце водной глади и вынула из рюкзака блокнот. Здесь было действительно мило, и пейзаж будто сам появился на листе бумаги: скалы на берегу Темзы, омываемые бурлящей пеной; корабли, которые когда-нибудь окажутся сначала в канале, а потом в море; течение и его сила, возвращающая к жизни.

Я так погрузилась в рисование, что заметила движение позади себя, только когда тень упала на бумагу.

- Эбигейл?

Я опустила карандаш и подняла взгляд. Ледяные глаза встретились с моими. Он, извиняясь, поднял руки.

- Не беспокойся, я тебя не преследую, - сказал он, как бы защищаясь, и указал на единственную байдарку, в одиночестве качавшуюся у причала.

- Все в порядке, я... - Медленно достав наушник из уха, я пригладила волосы. - Сказать точнее... - Мои щеки покраснели. - Это я здесь преследователь. - Вздернув подбородок, я с уверенностью посмотрела на него. - Я надеялась... тебя встретить.

- Правда? - Самодовольная улыбка, которую я так не любила, расплылась по лицу Тристана, и я всерьез спросила себя, не схожу ли с ума. Что я сделала не так?

Меня постоянно охватывало чувство неуверенности, когда этот парень смотрел на меня, и тем не менее...

- Я не хочу, чтобы у нас... возникли какие-то проблемы. Точно не с первого дня, - смущенно произнесла я.

Он засмеялся.

- Да, точно... ты сказала, что не любишь портить мнение о себе в первый день.

Я вздохнула про себя. С этим парнем невозможно вести серьезный разговор.

- Я вообще не люблю портить о себе мнение... все происходит обычно само собой, - призналась я, пожав плечами, и закрыла блокнот, а потом подняла на него взгляд. - С тобой такого наверняка никогда не случилось? У меня такое впечатление, что здесь все хотят с тобой дружить. Даже Гвинед.

Тристан махнул рукой.

– Прекрати, Эбигейл! – вздохнул он и провел рукой по волосам. Я последовала взглядом за его движением: влажные волосы блестели на солнце, точно как и его кожа. Я только сейчас заметила, насколько облегчающую футболку он надел.

– Эбби, – поправила я его, к собственному удивлению. – Ненавижу свое имя. Все зовут меня Эбби. – Опустив глаза, посмотрела на рисунок и совсем не удивилась, что нарисовала Тристана. Он отлично выглядел: широкие плечи прибавляли возраста, он казался старше, чем другие одноклассники, а строгое выражение лица, осанка и манера держаться добавляли изюминку. Я бы назвала это смесью дерзости и самоуверенности. Но сейчас мне показалось, что я сумела разглядеть еще одну его сильную сторону. У него не было необходимости строить из себя кого-то. Но он это делал и выглядел при этом довольно забавно.

– Эбби звучит мило, – сказал он, и в его глазах снова мелькнула искра, которую я видела уже не раз. – Короткие имена удобнее произносить в перерывах между поцелуями.

Я закашлялась от ужаса.

– Что? – вылетело из меня, и, судя по его смеху, именно такой реакции он от меня и ожидал.

С улыбкой, как у хищного зверя, Тристан подошел ближе и протянул руку, чтобы поднять меня.

– Как знать? Ты снова меня нарисовала. Может, ты здесь именно поэтому... – продолжил он.

– Да, нарисовала! Но не тебя! – От возмущения, что он так подумал, я прищурилась. – Насколько нужно быть самовлюбленным, чтобы вообразить, что...

– ...что ты могла бы нарисовать меня? – он подмигнул. – Однако так и есть, сама же знаешь. Каждый, кто был на уроке Кросса, знает это.

– Какого же ты о себе высокого мнения! Я заскучала, вот и все.

– Если тебе в следующий раз станет скучно, то... – его слова прозвучали тише. Тристан повернул меня и слегка провел пальцами по плечу, а затем стал спускаться к берегу. – То дай мне знать. Есть много других более прекрасных способов убить время... вместо того, чтобы царапать карандашом по бумаге.

Ох уж этот мерзавец!

– Да что ты знаешь? – возмутилась я, но последовала за ним вниз по ступенькам. – Думаешь, ты единственный, кого я рисовала? Так вот, ты ошибаешься. Ты далеко не первый из тех, кого я нарисовала с момента приезда! – Я вырвала страницу из блокнота и протянула ему листок с изображением парня, которого видела около приемной директора. – Ты не такой уж особенный для меня! – резко сказала я.

– Ты будешь думать по-другому, если поцелуешь меня... Эбби.

Он с придыханием прошептал мое имя... И произнес его так, будто действительно поцеловал меня. Для него это всего лишь игра. Шутка. Но я принимала все близко к сердцу. Такое тронет любую девушку, которая всю свою жизнь провела в одиночестве. И не проявляла ни к кому симпатию.

– Этого не произойдет!

– Конечно, нет. – Он, извиняясь, поднял руки и подождал, пока я подойду к нему. – Я и не собирался воспринимать это всерьез.

– Ах нет? А мне показалось иначе.

Его ухмылка свела меня с ума.

– И? – переспросил он. – Вообразила? Тебе понравилось? – Я почувствовала его дыхание на своем ухе. – В классе о нас уже сплетничают. Мы будем...

– Как же раздражает, что все теперь в это верят! – перебила я его. – Ты заблуждаешься, если думаешь, что я влюбилась! Вовсе нет!

Тристан сделал обиженное лицо, взял оставленное весло и посмотрел на часы на запястье.

– Все в порядке, – покорно признал он. – Вот это и правда решительный отказ. – Он наклонил голову и слегка ухмыльнулся. – Очень задело, можешь поверить.

– Ни за что не поверю.

– Это нормально. Я тебе тоже не верю, – засмеялся он, положил весло на плечо, и пару метров мы прошли в дружественном молчании вдоль берега. Дружественным оно казалось лишь потому, что ни один из нас не произнес ни слова, однако его взгляд стал настоящим испытанием для меня.

– Ты больше не сердись, что я не сказал тебе, кто я? – спросил он и пнул гальку в воду.

– Думаю, что нет. – Я взглянула на него: на лице уже не было флиртующей улыбки, теперь он смотрел на меня со всей серьезностью. – И вообще, ты заговорил со мной, только чтобы иметь возможность шпионить и передавать всю информацию обо мне семье и школе. – Я сморщила лоб. – Ты меня расспрашивал? Попытался выяснить, что я думаю? Подхожу ли я для этой школы?

– Чепуха!

– Но ты изначально знал, кто я.

– Ну, хорошо, я совершенно случайно увидел твои документы. Но не читал их. Только фотография... показалась мне милой.

– Так я тебе и поверила! – Я выбрала защитную тактику и пыталась держаться на расстоянии. Такие люди, как Тристан, прекрасно знали, как заполучить то, что они хотят. Я совершила ошибку, позволив чувству уверенности и мысли, что все рады меня здесь видеть, обмануть себя. Я смотрела ему вслед, наблюдая, как он положил весло на специальную полку в лодочном домике и запер замок.

Прозвенел звонок на обед, это было как раз вовремя, потому что мне не пришлось бы продолжать беседу. Что я должна ему отвечать? Мило? Я не хотела

быть милой. Я считала себя привлекательной, однако не рисовала себе каждое утро черные стрелки на глазах. Не хотелось казаться слабой, мягкой или милой. Я была запущенным случаем – так, по крайней мере, всегда выражались органы опеки. Я хотела избегать неприятностей, которые наверняка принесло бы общение с Тристаном, чьи разговоры о поцелуях вызывали у меня сильные чувства. Я продолжала надеяться, что с этой школой у меня не будет проблем. Что я вольюсь в учебу, привыкну к расписанию, со всеми этими часами обеда, режимом сна, тренировками по антиагрессии...

– Черт! – вырвалось из меня, и я замерла. – Черт! Черт! Черт!

– Что такое? – Тристан сморщил лоб.

– Тренировка! – закричала я и, достав из сумки телефон, увидела подтверждение обеденному звонку на дисплее. – Я опоздала на эту дурацкую тренировку!

Тристан мягко обхватил меня за плечи, и странное тепло проникло под мою блузку. Я отступила на шаг.

– Эй, успокойся. Это не страшно. – Он попытался меня успокоить, развернулся и показал в сторону школы.

– Не страшно? – Это выглядело совсем иначе. – Конечно, для тебя не страшно! Но не для меня.

– Просто запишись на другое время, – предложил он и попытался подбодрить меня обаятельной улыбкой. – Ты не первая, кто о ней забывает.

– Эта ненавистная школа – мой последний шанс! – вырвалось у меня. Смахнув волосы с лица, я в панике побежала вверх по ступеням: я не должна была все испортить.

– Из-за тебя меня отправят в тюрьму, только потому... потому...

– Почему? – Тристан насторожился.

– Забудь! Мне нужно бежать! – Я схватила рюкзак с земли и побежала через парк в сторону школы.

– Эбби! – Из-за своих громких шагов я его почти не слышала. – Перестань, я все решу! – заверил он меня, когда наконец догнал. Тристан крепко схватил меня за руку, и тепло, которое я чувствовала до этого, начало расплзаться по коже вверх. – Если ты прекратишь произносить слова черт, проклятье, никто и не заметит, что ты пропустила тренировку. Бастиан сможет подождать чуть дольше.

– Бастиан? Кто...

Он покачал головой, будто и так сказал слишком много.

– Забудь. Я возьму это под контроль и позабочусь о том, чтобы тебя записали на другое время. Ничего страшного.

Я недоверчиво посмотрела на него. Можно ли ему доверять? Не принесет ли мне это еще больше проблем? Я не знала, что думать.

– Ты уверен? – спросила я и нарисовала ботинком круг на земле. Так хотелось поверить. Проще, чем вернуть время назад, ведь я прогуляла тренировку.

– Я обещаю. Положись на меня. – Это прозвучало очень убедительно. – Пойдем, – пригласил Тристан и показал на большие ворота. – Пойдем в город, поедем бургеров, а завтра ты сходишь на занятие. – Он подмигнул мне. – Иногда это очень кстати – быть Тремблэем!

Приказ

Маргарет-Мод сидела за письменным столом, плотно сжав губы. Она нервничала и постоянно прокручивала кольцо с бриллиантом вокруг пальца, пока выслушивала рассерженного Константина Кросса.

– Так больше не может продолжаться, – повторял он и носился из стороны в сторону перед ее столом. – Зак Моран присоединился к нам всего полгода назад. Но уже сейчас тянет одеяло на себя.

Маргарет вздохнула.

– Я не понимаю тебя, Константин, – призналась она. – В конце концов, дело идет полным ходом. После стольких лет безуспешной борьбы.

Кросс фыркнул и достал из кармана рубашки расческу.

– В конце концов, дело идет, – передразнил он ее. – Кажется, ты забыла, что без меня вы бы никогда не собрались все вместе. Вы делаете вид, что до этого события мы все топтались на одном месте. Но у нас и так наблюдался прогресс. И без Морана.

Маргарет-Мод замерла и строго посмотрела на Кросса.

– Мы все обговорили, пригласить его было нашим общим решением. И оно было правильным, потому что без него мы бы не нашли девчонку в полицейском участке. Это чудо, что она сейчас здесь. Ты должен признать это, Константин.

Кросс расчесал волосы, затем, фыркнув, убрал расческу и подошел к окну. Не оборачиваясь к Маргарет-Мод, он продолжил:

– Очень просто выследить человека, когда ты управляешь серверами и компьютерами по всей стране, – пробурчал он.

– Верно. И только по этой причине мы решили привлечь Зака. Человек с неограниченными финансовыми ресурсами и собственным ноу-хау. Благодаря ему мы достигнем своей цели намного быстрее.

Ее слова, казалось, смягчили Константина, поэтому он понизил голос.

– Я надеюсь. Каждый день без... – Он внезапно выпрямил плечи и показал на окно. – Черт побери, – вырвалось у него. – От этой девчонки одни неприятности. Кросс повернулся к Маргарет-Мод и покачал головой. – Я не знаю, хорошо ли это,

что она так много времени проводит с Тристаном. Это ее первая неделя, и она уже нарушает правила.

Маргарет-Мод с любопытством подошла к Константину, чтобы взглянуть, о чем шла речь. Когда она увидела, что Эбигейл Вудс стоит с Тристаном у ворот школьного двора, то усмехнулась.

– Наступит время, мы поработаем с ней. – Она нежно прикоснулась к руке Кросса. – Поверь мне. Все идет в правильном направлении. Вот увидишь.

– Пока я задаю это направление, меня все устраивает. Но я не буду подчиняться приказам Морана.

Бастиан

Соблюдать правила становилось проблемой.

– Ворота уже закрыты! – вырвалось у меня, когда я прогуливалась рядом с Тристаном по Ваппинг-хай-стрит.

– Они закрываются в девять. – Он ухмыльнулся. – Это написано в приветственных документах.

– Очень смешно! – возмущенно воскликнула я, хотя меня не сильно-то и беспокоило опоздание. Мы выпили кофе в «Старбакс» на Тауэрском мосту и вообще отлично поладили, съев на обратном пути вкуснейший бургер. Я чувствовала тихое биение сердца от близости Тристана. И тем не менее мне не хотелось представлять, какие последствия принесет нам эта прогулка. Я покачала головой в укор самой себе. Со мной всегда происходило так. Я старалась придерживаться плана – не доставлять никому проблем, но потом что-то случалось. И я ничего не могла с этим поделать!

– И что теперь?

Тристан засмеялся, хотя в темноте я уже не видела его лица. Луна освещала нам путь, и железные ворота переливались в ее свете.

- Нужно использовать ключ, - предложил он и подошел к воротам. - Я же говорил, иногда очень полезно быть Тремблэем.

Мой взгляд упал на герб над воротами, и я кивнула. Это на самом деле очень полезно - иметь семью, вдруг пришло мне в голову.

Открыв ворота, Тристан поклонился и пропустил меня вперед. Усадьба предстала передо мной настоящей крепостью, а тени драконов на входной лестнице показались живыми. Я вздрогнула, когда Тристан коснулся моей руки.

- Ну, давай, Эбби, - прошептал он и погладил меня большим пальцем по руке. Тепло, распространившееся по моему телу, напугало, и я отдернула руку.

- Я должна войти внутрь, иначе снова буду ходить по темноте.

- Значит... наши пути расходятся.

Черт побери, от тембра его голоса у меня задрожали колени. Неудивительно, что я с трудом их передвигала.

- Ты не будешь заходить? - спросила я, когда он открыл входную дверь.

- Нет. - Он указал на мощеную дорожку, соединявшую главное здание школы с другой его частью, что находилась за парком. Это была копия школы, но с современной пристройкой и большим количеством стекол. На третьем этаже горел свет, и я смогла разглядеть окна и террасу на крыше.

- О, - произнесла я и посмотрела сначала на здание школы, а потом на его другую часть.

- Дом Тремблэев. Без трехместных комнат, - пошутил он, продолжая держать для меня дверь. Я знала, он поцелует меня, если я отвлекусь. Мое сердце забилося, когда я поставила ногу на порог. Казалось, драконы наблюдали за нами.

– Должно быть, это ужасно скучно, жить без соседей по комнате, – я попыталась любым способом поддержать разговор.

Тристан засмеялся.

– Я живу вместе с братом. Но это не считается, не так ли?

– Вы спите в двухместной комнате?

– Нет, – со смехом ответил он.

– Тогда ты прав, это не считается. – Я ухмыльнулась и чуть приоткрыла дверь.

Видимо, он понял, что я планирую отступить, поэтому поднял брови и с сожалением склонил голову.

– Как хочешь. Пойду-ка я в свою одинокую постель. Прежде чем совершу что-нибудь, что противоречит правилам.

Я в удивлении расширила глаза.

– Что значит – противоречит? – спросила я, но он лишь покачал головой.

– Тебе стоит их почитать, – предложил Тристан и отвернулся.

– Как будто ты соблюдаешь правила, – продолжила я и по его смеху поняла, что он меня услышал, хотя темнота уже совсем поглотила его. Я задержалась еще на мгновение и посмотрела ему вслед. Безумие, но рядом с Тристаном я забывала о том, что нахожусь здесь не по собственному желанию. Возможно, Даркенхолл действительно мог изменить мою жизнь. Может быть, из меня что-нибудь выйдет? Я погладила дракона на перилах по чешуйчатой шее.

– Может быть, теперь все наладится, – прошептала я, дотронувшись до тяжелой дверной ручки.

Тихий плеск вдалеке заставил меня остановиться. Я снова обернулась и прищурилась. Был ли там внизу, у воды, свет? Где-то раздался треск, и я попыталась уловить источник этого звука. Медленно я опять спустилась по лестнице.

Конечно, меня уже давно не должно быть на улице. Вот-вот прозвучит отбой и погасят свет. Я понимала, что, возможно, нарвусь на неприятности, если не буду к этому времени находиться в своей комнате. Я осознавала это, но какая-то неведомая сила заставляла меня забыть обо всем. Мой пульс ускорился, сердце бешено застучало, когда я спускалась с последней ступеньки.

Там в самом деле виднелось слабое свечение. Оно исходило от берега. И притягивало меня.

* * *

Сердце Бастиана билось в такт его длинным и ритмичным гребкам. Он крепко упирался ногами в подножку, откатывался назад на подвижной банке[3 - Сиденье в лодке для академической гребли. (Прим. пер.)] и мощными движениями проталкивал весла по воде. На вдохе он сгибал колени, наклонялся вперед и, не потревожив водную гладь, снова опускал лопасть. Движения повторялись, но дыхание не сбивалось. Ночной воздух обдувал его, и от этого пот на теле высыхал. Парень замерзнет сразу же, как покинет лодку. Он быстро остыл бы, если бы не занимался греблей. Но его это не волновало. Так же, как и темнота. Огни города мешали темноте полностью накрыть все вокруг, но он довольствовался бы и слабым светом луны, чтобы ориентироваться на Темзе. Прямо, словно на веревочке, его байдарка скользила по воде, оставляя за собой волны в виде стрел, о которые разбивался свет. Словно его преследовал серебряный занавес.

Движения становились активнее, Бастиан ощущал, как кровь кипит в жилах. Его грудь поднималась и опускалась при дыхании, он напрягал мышцы плеч и ног, затем вытягивал руки вперед буквой V. Все повседневные мысли растворялись в воздухе. Все заботы уходили на второй план, не существовало ничего, кроме этих плавных движений. Он так хорошо знал течение и предугадывал его, что уже инстинктивно совершал правильные действия. Вытянуться, согнуться, погрузить весла, протянуть вперед, назад.

Бастиан наслаждался тишиной, одиночеством и бегущей по коже прохладой. Он часто чувствовал жжение, когда в нем буйствовала унаследованная ярость. Всегда, когда он делал то, что должен был. В нем полыхал огонь, жар от которого снова и снова перехватывало дыхание, несмотря на долгие годы тренировок. Каждый раз казалось, что этот жар поглотит его.

Движения Бастиана замедлились. Он доплыл до причала Даркенхолла, ослабил хват[4 - Способ держания рукоятки весла. (Прим. ред.)] и позволил байдарке медленно скользить по воде. И, когда движения больше не заглушали стук его сердца, он снова ощутил ярость, словно молотком бьющую в грудь, и от учащенного дыхания горло будто воспламенилось. Бастиан направил лодку к берегу.

* * *

Я задержала дыхание. Единственный фонарик в лодочном домике освещал берег и высокую стену на причале. Полукруглый луч света отражался золотом на воде. Похоже, он вступил в состязание с серебристым светом луны, танцующим на волнах. Черная тень, разрезающая волны грациозными движениями, стремительно приближалась. Я слышала, как вода с плеском бьется об лодку, как лопасть погружается в реку.

Как можно незаметнее я прижалась к углу лодочного домика, дотронулась до покрытой мхом древесины и чуть приподняла плечи, защищаясь от холодного ветра.

Конечно, я сейчас должна находиться в собственной комнате, но, вопреки здравому смыслу, мой взгляд был прикован к гребцу. Казалось, он и его движения слились в одно целое с ночью и серебряным лунным светом, окружавшим его, как небесное сияние.

Лодка приближалась, и я слышала напряженное дыхание парня. Ощущала необъяснимую близость к нему, хотя нас и разделяло около десяти метров. И все же мне казалось, что я чувствую пот на его шее, холод его рук, когда он снова и снова погружал весла в воду. Я сжала руки в кулаки, делая вид, что обхватываю рукоятку. Мои ноги дрожали от напряжения.

Я чуть не закашлялась от понимания того, насколько сильно сблизилась с парнем, только что достигшим причала. Высокого роста, он выглядел старше моих одноклассников. Хотя, вероятно, мне это только показалось, потому что его плечи были шире, чем у других парней. Его мускулистые руки и бедра напряглись, когда он вылезал из лодки. Легкость, с которой он достал из воды семиметровую байдарку, поразила меня. Я прижалась к своему укрытию. Мое сердце билось так быстро, что, казалось, оно заставит берег дрожать, и, действительно, гребец на секунду остановился, будто почувствовал, что он там не один.

На мгновение парень повернул лицо к свету. Но этого момента было достаточно, чтобы мои колени подкосились. Пальцы сами начали искать карандаш в кармане школьного пиджака. Желание запечатлеть его на бумаге становилось огромным, но все-таки я не поддавалась ему. Мне не хотелось упускать его ни на секунду. Я будто впитывала его взглядом. Черные глаза, густые брови, темные влажные волосы, сверкавшие от воды. Он сжал полные губы от напряжения, что придавало его вздернутому подбородку еще больше твердости. Он закинул лодку на плечо так, словно она ничего не весила, а в другую руку взял фонарь. Затем направился точно в мою сторону и вдохнул вечерний воздух, проходя в нескольких сантиметрах от меня к лодочному домику. Нас разделяли несколько шагов, когда он внезапно остановился. Замер. Парень повернул голову в моем направлении и сделал глубокий вдох. Я увидела, как поднялась его грудная клетка и словно почувствовала его дыхание, также как и взгляд. Уголки его рта поднялись, точно он... решил над чем-то посмеяться.

Дрожь пронзила мое тело, настолько он был прекрасен. Не обычный, не как Тристан, а... угадывалось в нем что-то дикое. Воздух наэлектризовался, и мне захотелось, чтобы он заметил меня. Но этого не случилось: парень бросил последний взгляд в сторону моего укрытия, развернулся и пошел дальше. Дождавшись, пока он зайдет внутрь домика, я понеслась сломя голову в сторону школы.

– Матерь Божья, кто это еще? – прошептала я, в то время как мое сердце выпрыгивало из груди, когда я поднималась по ступеням, украшенным скульптурами драконов. Я не знала, хочу ли встретиться его снова, потому что поняла: он совершил со мной что-то невероятное, ошеломляющее.

Я влетела в здание. Свет давно погасили, но я этого не замечала, потому что в моих мыслях ярким светом сияли глаза незнакомца.

Братья

Бастиан повесил полотенце на шею и протер им голову. Зеркало запотело, поэтому он вышел из ванной комнаты, не посмотрев в него. Юноша завязал полотенце на бедрах, от мокрых ног на мраморном полу остались следы. От громкой музыки, играющей на первом этаже, во всем доме дрожали люстры.

Бастиан протянул руку к тени перил на лестнице. В следующий миг он оказался внизу и вышел на свет.

– Нельзя ли потише? – крикнул он в направлении кухни, где Тристан открывал бутылку вина.

Брат на мгновение поднял голову, но тут же снова невозмутимо продолжил вкручивать штопор в бутылку. Бастиан вздохнул. Он даже не попытался воспользоваться голосовой системой умного дома, чтобы убавить громкость, поэтому зашел в гостиную и сам выключил музыку. Еще через мгновение он снова находился на кухне.

Тристан как раз наливал вино в бокал. Бастиан подошел к брату сзади и забрал бокал из рук, взболтал темно-красную жидкость и вдохнул запах. Затем немного пригубил и оставил вино на кончике языка.

– «Шато Лафит» 1787 года? – он поднял брови и вопросительно посмотрел на Тристана. – Существует ли какая-то особая причина, по которой ты достал из подвала самое дорогое вино отца?

Тристан рассмеялся.

– Ему столько лет. Я думал, от него пора избавиться.

– В отличие от тебя. Тебе не столько лет, чтобы пить алкоголь.

– Не строй из себя старшего брата, у нас разница всего год, – пробурчал Тристан, но усмешка выдала его. Он так часто слышал эти слова, но они его никогда не интересовали. Достав другой хрустальный бокал из шкафчика, он наполнил его вином и, в отличие от Бастиана, не пригубил напиток, а опрокинул полбокала залпом.

– Ну и? – буркнул Бастиан и скривил лицо. Выпить вино, которое стоило добрых сто тысяч фунтов, было не так легко, как колу.

Он обошел широкий кухонный островок, взял бутылку и, осторожно засунув пробку в горлышко, убрал его в холодильник.

– Что именно ты отмечаешь этим благородным вином?

Тристан провел рукой по светлым волосам и ухмыльнулся через стекло бокала.

– У нас в школе новая девушка.

– Я знаю. Маргарет-Мод отдала мне документы. – Бастиан облокотился на столешницу и вытер с шеи капли воды, стекающие с мокрых волос. – Она пропустила первую тренировку.

Дома ему не нужно было сдерживаться, поэтому одна только мысль о плетениях, которые он вбирал в себя во время тренировок, заставила его прийти в ярость. Плетения выступали на поверхность, пульсировали, рисовали темные узоры и текли, как черные реки, под кожей.

Тристан смотрел на обнаженный торс брата и не выпускал из вида вьющиеся линии, покрывающие тело, подобно паутине. Единственным нетронутым местом оставалась шея, на которой висела цепочка с кольцом.

– Это моя вина, – выдал Тристан без капли сожаления, пытаясь взглядом найти бутылку. Когда он увидел ее в холодильнике, то пожал плечами и поставил пустой бокал в мойку. Домработница позаботится об этом позже.

– Ты должен позволять мне изучать учеников, – Бастиан попытался привлечь его внимание к теме. – Я должен знать, на что они способны. Ты ведь прекрасно

понимаешь: многие из них могут сотворить страшные вещи, если я не буду следить за ними. У учителей тоже возникнут проблемы, если я заранее не освобожу учеников от их плетений. Неприятности, которые доставляют эти подростки, происходят отчасти из-за того, что их души теснят темные силы. Без той боли, которая сваливается на них, они могут раскрыться, посещать занятия и влиться в общество. Это необходимо для Даркенхолла.

Тристан отмахнулся.

– Не продолжай. Я знаю, что здесь находятся люди, способные на убийство. Но эта малышка другая.

– Ее папка документов совсем не тонкая. Она не может быть другой. – Бастиан зажмурился, вспоминая, что, когда увидел новенькую, выходящую из такси, тоже почувствовал, что она другая. Особенная. И с того момента он заинтересовался ее плетениями, которые их объединяли.

Он вытер мокрую шею и перебросил полотенце через плечо. Даже сегодня во время гребли его настигали воспоминания о ней. На причале ему даже показалось, что она рядом. И хотя Бастиан еще не касался ее плетений, не прочувствовал их, ее боль была ему чужда, но в тот момент он чувствовал присутствие Эбигейл.

Он издал рык, и темные линии под его кожей стали заметнее. Одни воспоминания уже разозлили его. Бастиан сделал большой глоток вина.

Тристан ухмыльнулся.

Конечно, он ухмылялся. Бастиан сжал кулаки. Брат прекрасно знал, как он себя чувствовал в тот момент. Они оба испытывали желание – овладеть чужими темными силами, однако, в отличие от Бастиана, Тристан не сдерживался. Нет, брат забирал плетения, когда хотел. Тайный поцелуй за деревьями, прикосновение... А он сам перенимал только темные силы, которые могли стать угрозой лишь через несколько лет. Ему было необходимо сначала прочесть людей, погрузиться в их душу, прежде чем становилось понятно, что они таят в себе. Прежде чем он забирал эти силы. Такой способностью обладал лишь Бастиан.

– Я видел тебя вчера в парке с ученицей, – он снова ухватился за первоначальную мысль, чтобы не думать о манящих плетениях. – Ты совсем не можешь держать себя в руках?

Тристан пожал плечами и, прежде чем Бастиан успел продолжить, исчез в тени. Через мгновение заиграла музыка. Бастиан фыркнул и последовал за братом. Тристан растянулся на кожаном диване, держа в руках пульт от огромного телевизора. На экране беззвучно мелькали новости.

Он посмотрел, как Бастиан вышел из тени.

– Я думал, разговор окончен.

– Это вряд ли. – Бастиан забрал пульт и кинул его на стеклянный столик. – Я видел вас. Любой мог увидеть вас!

Тристан разъяренно взъерошил волосы и сел.

– Я позаботился об осторожности! Лишь небольшое представление. Маленький поцелуй. – Он пожал плечами, не в состоянии сдержать насмешку. – Она хорошо целуется. Ей это идет. Как ученикам, вышедшим из комнаты антиагрессий.

Бастиан с трудом мог возразить. Душевные плетения, которые он перенимал у учеников, были для этих подростков грузом. Боль, страдание и страх становились причинами их недопустимого поведения, которое и приводило их в стены Даркенхолла. Тренировки предлагали отличную возможность освободиться от этого, и никто не удивлялся, что после часа занятий спортом ученики чувствовали себя спокойнее и уравновешеннее.

– Я видел плетения на твоих руках. И на ее щеках и шее...

– Ах ты извращенец! – засмеялся Тристан и бросил в брата подушку.

Бастиан с легкостью поймал ее.

– В следующий раз ищи более укромное место для своих... представлений.

Тристан невинно поднял руки.

- Ой, извини, но, если ты вдруг забыл... ты единственный, кому выделили целый спортзал для таких выступлений.

- Отлично, тогда завтра приведи мне туда новенькую, пожалуйста. Пока я с ней не познакомился, она представляет угрозу для школы.

Бастиан кинул подушку на кресло и собирался уже протянуть руку к тени, когда Тристан произнес:

- А если в порядке исключения я присмотрю за малышкой? - На этот раз его кожа потемнела от бушующих плетений.

Бастиан в растерянности посмотрел на брата.

- Ты... же не всерьез хочешь быть тем, кто впервые открывает врата души?.. - с недоверием спросил Бастиан. - Ты же осознаешь, какими непредсказуемыми бывают душевные плетения, когда их распутывают в первый раз. Только хранитель кольца может контролировать их.

- Я хочу попробовать. Эбби не такая, как все. Ее плетения невероятно тесные, я...

Двумя большими шагами Бастиан сократил расстояние между ними и навис над братом.

- Надеюсь, ты сейчас шутишь! Ты не в состоянии вместить в себя столько плетений, что таят в себе эти люди в самом начале. - Он обхватил цепочку с кольцом и начал трясти ей перед носом Тристана. - Ты знаешь, сколько сил у меня уходит на то, чтобы управлять этим? Они уничтожат тебя!

- Я не так слаб, как ты думаешь!

- Я вовсе не считаю тебя слабым! Но не ты хранитель кольца!

– А что, если из нас двоих я самый сильный? – закричал Тристан. – Я вижу, как ты борешься! Даже сейчас, когда мы говорим об Эбби! Ты перенимаешь силы, только если испытываешь острую нужду! А потом... потом в тебе просыпается ярость, и доходит до того, что ты едва можешь перепрыгнуть тень!

– Потому что для меня это не игра! – прогремел Бастиан, злобно сверкнув глазами на брата. – Это человеческие души! А ты не в состоянии подойти к этому ответственно!

– Не носи чепуху!

Бастиан отвернулся. Он протянул руку в сторону тени, которую отбрасывал на пол свет телевизора.

– Я больше не хочу слышать об этом! Приведи эту новенькую ко мне!

Фыркнув, Тристан переместился сквозь тень на кухню. Холодильник задребезжал. Бастиану не нужно было идти за ним, чтобы понять, что брат опустошал бутылку.

Маленькая просьба

– Где ты вчера пропадала? – прошептала за завтраком Жасмин, наклоняясь над столом. Эсме тоже смотрела на меня большими глазами сквозь густые нарощенные ресницы. – Мы беспокоились о тебе.

– Вы беспокоились? – Моя совесть дала о себе знать. Я перестала намазывать масло на хлеб и с недоверием посмотрела на соседок по комнате.

Эсме кивнула.

– Тебе не стоит больше гулять в темноте.

– Эсме боится темноты, – перебила ее Жасмин, перед тем как засунуть в рот кусок пирога с топлеными сливками.

– Вовсе нет! – запротестовала та и гневно взглянула на Жасмин.

– Конечно, ты боишься темноты. Но в этом нет ничего страшного.

– Темнота не пугает меня! – возразила Эсме. – Я... просто часто думаю, что... – Она прикусила нижнюю губу и отодвинула стул. – Я возьму еще молока, – сказала она и выбежала из-за стола.

Жасмин слегка покачала головой и посмотрела вслед Эсме. Потом наклонилась ко мне и серьезно посмотрела.

– Иногда она кричит по ночам. Тогда надо быстро включить свет, – произнесла она. – Эсме попала ночью в аварию. С тех пор...

Жасмин выпрямилась, потому что ее подруга уже вернулась с полной кружкой молока. Я продолжила намазывать масло на хлеб, хотя не перестала наблюдать краем глаза за Эсме.

Вид этой ухоженной девушки с практически идеальной внешностью не вызывал сомнений в том, что у нее нет никаких проблем или забот. Но, вероятно, каждый здесь нес свой груз.

– У тебя было достаточно времени, чтобы рассказать все подробности моей жизни, или мне еще раз уйти, чтобы вы посплетничали? – пробурчала Эсме, обращаясь к Жасмин, и я почувствовала себя злоумышленницей, которая раскрыла все их секреты. Никто не просил впутывать меня в это.

Жасмин закатила глаза.

– Эсме очень чувствительна, – доверчиво прошептала она и, взяв подругу за руку, вновь усадила ее на стул.

– Я не чувствительна! – Эсме слегка толкнула Жасмин локтем и улыбнулась. – Я... просто я не очень люблю рассказывать... о себе.

– А кто это любит, – согласилась я с ней и поспешила положить сыр на хлеб. Почти все одноклассники уже закончили завтрак.

– Значит, ты не объяснишь нам, почему оказалась здесь? – спросила Жасмин с любопытством и пододвинула к себе тарелку, слизывая с пальца каплю сливок.

– Не совсем, – пошутила я и укусила хлеб, что послужило хорошим предлогом не заканчивать предложение.

– Мы должны догадаться? – спросила Эсме и на ее лице снова появилась улыбка. Казалось, она рада, что больше не находится в центре внимания.

Я пожала плечами.

– Ну, хорошо. Я предполагаю, что ты... – Жасмин достала телефон и проверила свой блог, между тем поглядывая на меня. – Ты нимфоманка и... твои родители боятся, что ты раньше времени забеременеешь.

– Что? – Я подавилась хлебом, закашлялась и нечаянно выплюнула несколько крошек на стол.

Эсме захихикала и с визгом уклонилась от остатков еды, закрывшись пустой тарелкой, как щитом.

– Нимфоманка – это человек, который...

– Я знаю, что это значит! – строго произнесла я и вытерла крошки с подбородка. – С чего ты взяла, что я...

Жасмин захихикала.

– Ты околдовала Тристана в первый день. – Она лукаво подмигнула. – И ты далеко не первая с такой проблемой. – Она многозначительно закатила глаза и слегка наклонила голову в сторону светловолосой Барби-близнеца.

Эсме тоже засмеялась.

– Что бы это ни было, Эбби, ты в Даркенхолле, тебе обязательно помогут тренировки с Бастианом...

Это звучало очень убедительно. Доедая последний кусочек хлеба, я размышляла над ее словами.

– Да, Бастиан знает свое дело! – вздохнула мечтательно Жасмин.

Конечно, хорошо, что им здесь нравилось, но довериться и попасть в руки незнакомца было для меня уже слишком. Я считала, что мы сами ответственны за свое счастье или несчастье, и поэтому не хотела раскрывать никому свои секреты. Не хотела, чтобы меня анализировали.

Сыр на вкус оказался слишком кислым, и я поспешила скорее его проглотить. Может, я просто завидовала этим девушкам, потому что им удалось снова взять свою жизнь под контроль. Может... я не доверяла им, потому что со мной никогда не случалось ничего хорошего. Кроме Флоренс, разумеется.

Мысли о ней, ателье и коте испортили мне настроение. Я не представляла, как Даркенхолл поможет мне. Хотелось сбежать отсюда. Как раз кстати, потому что прозвенел звонок на урок, и я в сопровождении своих двух новых подруг отправилась в класс. От стыда я постаралась уклониться от взгляда мистера Кросса и решила сесть на задний ряд. Эсме и Жасмин присоединились ко мне.

– Ах, Эбигейл, доброе утро. – Бегство на последнюю парту не спасло меня от Кросса: едва я поставила рюкзак, он взмахом руки позвал меня к кафедре.

– О-оу, – многозначительно произнесла Эсме, я закатила глаза, прежде чем последовать его призыву.

– Я лишь хотел напомнить, что уроки рисования проходят во второй половине дня. Чтобы в этот раз снова не произошла путаница, – объяснил он, уголки его рта поднялись. Очевидно, он думал, что удачно пошутил.

Я сжала губы, чтобы не усугубить ситуацию, которая и без того казалась достаточно плохой. Чтобы избежать разговора, я поправила юбку, но Кросс не отпускал меня. Он достал расческу из нагрудного кармана пиджака и провел ей

по волосам на своей лысеющей голове.

Я вздохнула и посмотрела на него. Похоже, он ждал этого.

– Наше знакомство началось не очень хорошо, Эбигейл, – продолжил он и покачал головой, словно с трудом мог поверить в это. – И для меня очень важно все уладить. – Он выглядел серьезно и подавленно. – Школа – твой последний шанс, если я правильно понимаю. – Он говорил тихо, чтобы никто в классе не услышал, о чем мы шептались. – Ты... не имеешь права на ошибку, верно?

– Наверное, нет, – выдавила я из себя, но вызывающе подняла подбородок. Я чувствовала, как во мне растет беспокойство. К чему он клонил?

– Я был вынужден записать твой вчерашний проступок в личное дело.

– Проступок? – вырвалось из меня. – Я закончила выполнять задания и тихо занималась своими делами, никому при этом не мешая!

Кросс кивнул, как будто разделял мою точку зрения.

– Конечно. Об этом и речи нет. – Он понизил голос и положил руки на стол, при этом не выпуская меня из виду. – Я подразумеваю небольшую прогулку по городу. – Он сделал многозначительную паузу. – И твое возвращение после закрытия ворот!

Проклятье!

– Откуда вы знаете... – Я немного повернула голову, чтобы найти Тристана, но место, на котором он сидел в прошлый раз, пустовало. Получается, помощи от него я не дождусь.

– Я сообщил об этом инциденте, потому что в противном случае это могло принести тебе большие неприятности, – с сожалением сказал Кросс, но ободряюще улыбнулся. – Так как ты новенькая, я могу закрыть глаза на некоторые вольности. Однако мы обязаны разобраться с твоими... проблемами.

Я сглотнула. Знал ли он, что я пропустила тренировку по антиагрессии?

- Мне очень жаль, я правда не хотела...

- Скажи мне лишь одно, Эбигейл: ты не хочешь воспользоваться последним шансом?

- Напротив, я... - подняла я на него умоляющий взгляд. - Я действительно никому не собиралась доставлять неудобств.

- Конечно, нет. Такое... уже происходило.

Его слова прозвучали успокаивающе, однако облегчения я не почувствовала.

Кросс почесал лысину и окинул взглядом класс.

- Знаешь, Эбигейл... думаю, мы справимся.

- Это было бы... здорово, - прошептала я с благодарностью. Флоренс бы расстроилась, узнав, что за такое короткое время, проведенное в школе, я уже умудрилась попасть в затруднительное положение. Я сумела выдавить покорную улыбку.

- Отлично. Тогда... зайди после урока ко мне в кабинет. Мы поработаем с твоими проблемами, чтобы тебе стало проще здесь ужитья.

- С моими... проблемами?

Его улыбка выглядела немного странно.

- Не беспокойся, мы все обсудим наедине. - Внезапно Кросс выпрямился, а я испуганно глотнула воздух. - А теперь доставайте тетради, мы посвятим себя вычислению корней. - Он подошел к доске и взял мел. Видимо, так учитель закончил наш разговор.

Я посмотрела на него, прежде чем опомнилась и попыталась незаметно пробраться на последний ряд. Глаза Эсме и Жасмин сияли от любопытства и предвкушения, и только я села на место, Жасмин наклонилась ко мне.

– Чего он хотел? – прошептала она.

Я пожала плечами.

– Это касается моих проблем, – озадаченно призналась я и открыла тетрадь.

– Ах вот оно что! – Эсме махнула рукой, а Жасмин потеряла интерес.

Очевидно, это не было захватывающей историей. По крайней мере, для других. Я вряд ли запомнила что-то из уроков, потому что весь день размышляла, что же придумал Кросс. О чем будет идти речь? Как все пройдет? Должна ли я вообще соглашаться на это? Каким образом мои проблемы были связаны с ним? Или, оступившись, я рисковала опекуном Флоренс?

Я сжала руки и поклялась себе: что бы ни произошло, на этот раз я приму правильное решение! Проговорив себе это еще раз, я неуверенно направилась в кабинет Кросса. Постучалась и подождала, но ничего не произошло. Я подошла ближе к двери, так как услышала оттуда какое-то бормотание. Может, у него разговор с другим учеником? Я внимательно прислушалась, но стало тихо. Он говорил по телефону? Подождав еще, снова поднесла руку к двери. Но опять никто не ответил.

– Что это значит? – проворчала я и постучалась погромче. Затем с нехорошим предчувствием вошла в кабинет.

Кросс и Маргарет-Мод Тремблэй стояли за письменным столом, склонив головы, словно вели приватный разговор. Казалось, они меня даже не слышали: так увлеклись общением.

– ...получили сегодня информацию от Зака, – разобрала я шепот директора. – Ему удалось проследить ее происхождение вплоть до...

Кросс довольно потер руки.

– Тогда мы наконец-то должны... – прошептал он, но вторую часть предложения я не уловила. – Схватить.

Казалось неправильным подслушивать разговор, поэтому я решила откашляться, чтобы привлечь к себе внимание.

– Мистер Кросс? – отважилась я, и оба в страхе отбежали друг от друга.

– Эбигейл! – Кросс выглядел застигнутым врасплох, а Маргарет-Мод чрезвычайно взволнованной. Она обошла стол, в то время как Кросс расческой привел в порядок волосы и убрал ее в карман на груди. – Верно, мы... договаривались.

Директор сухо улыбнулась мне. Подходя к двери, она, как обычно, держала осанку.

– Располагайся, пожалуйста, – пригласила она меня и указала на стул возле стола.

– Не хотела мешать вам, – поторопилась сказать я. – Могу зайти позже, – предложила я. Или никогда... – продолжила мысленно.

– Нет-нет. Ты не мешаешь. – Кросс достал папку из шкафа, стоявшего в стороне от рабочего места, и начал просматривать документы из нее. – Пожалуйста, присаживайся.

Я молча последовала указаниям, не выпуская его из вида. Маргарет-Мод все еще стояла позади меня. Я прижала сумку к груди и подождала, пока учитель наведет порядок на столе. Он поднял взгляд и кивнул директору.

– Мы продолжим позже, – обратился он к ней. Затем дверь захлопнулась, и Кросс сел. Взяв в руки нужную папку, он посмотрел на меня.

– Так вот, – продолжил он слегка неуверенно, и я поняла, что этот разговор затянется надолго.

– О чем вы хотели поговорить со мной, мистер Кросс? – я попыталась ускорить разговор, потому что планировала сегодня еще порисовать: вчера мне не удалось перенести лицо гребца на бумагу так, как хотелось бы.

Кросс откинулся на спинку стула и открыл желтую папку.

– Ты уже успела нарушить довольно много правил, – начал он, не поднимая глаз. – И у них много общего. – Он посмотрел на меня, но я не знала, чего он ждал. Я молчала.

– Ты обворовала женщину на ярмарке, проникла в учительскую, чтобы украсть результаты экзамена, взломала машину...

Я сжала губы. Все, что он читал, было правдой, но...

– Ты качаешь головой, – заметил он. – Что-то не так?

– Так, но... не совсем...

– В Даркенхолле не интересуются оправданиями, – прервал он меня понимающим тоном. – И это только верхушка айсберга. Я могу перечислить сотни случаев, когда ты... присваивала себе вещи, которые тебе не принадлежали!

Я вцепилась пальцами в сумку. Никто не понял бы, что я делала!

– Короче говоря, ты воровка! – Он, казалось, не был потрясен.

– Я не воровка! – возразила я, не сумев сдержать слез. Убрав волосы с лица, я незаметно потерла глаза. Только тогда Кросс увидел, как сильно обидел меня!

– Ах нет?

– Я никогда не обогащалась. Я ничего не крала! Я... лишь одалживала.

– Не хочешь рассказать, как можно одолжить результаты экзамена?

Я вздохнула. Он привел глупый пример.

– Это было не для меня! – оправдывалась я. – Со мной училась девочка... – Смирившись, я закрыла глаза. Бессмысленно спорить дальше. Он никогда не поверил бы мне, что я лишь хотела помочь знакомой школьнице перейти в

следующий класс. Она меня об этом не просила, но я знала, как ей непросто. А впрочем, почему Кросс должен слушать меня, ведь ни учителя в старой школе, ни полицейские этого не делали. Даже Флоренс отнеслась к этой истории скептически, не проронив ни слова. Я была воровкой. Так написали в документах...

- Знаешь, Эбигейл, вообще-то меня это не особо интересует, - терпеливо продолжил Кросс и бросил взгляд на фотографию на краю стола. - Ты здесь, чтобы начать все заново, верно?

Я кивнула, и по телу прошли мурашки.

- Если и в этой школе у тебя ничего не выйдет... ты отправишься в колонию для несовершеннолетних, так?

- Да, - прошептала я растерянно. Сердце забилось быстрее, и я почувствовала, как меня охватил страх. Нервно облизнув губы, я заставила себя ровно дышать.

- Мне бы искренне хотелось, чтобы здесь у тебя все сложилось хорошо.

Зачем ему это нужно?

- Мы с директором школы будем очень сожалеть, если... из-за твоих выходок в Даркенхолле ты отправишься за решетку.

- Я ведь уже сказала, что мне очень жаль. Я была не одна и не знала, который час, - из последних сил защищалась я.

- Ты была с Тристаном Тремблэем. Я видел вас вместе... он интересуется тобой.

- Чепуха! Он... он бегают за каждой!

Кросс снова причесал волосы и посмотрел на фото.

- Любовь - это нечто чудесное, - пробормотал он и улыбнулся мне. - Ты не должна стыдиться. Он симпатичен. Неудивительно, что девчонки толпами влюбляются в него.

- Я не влюблена в него. Я ведь нахожусь здесь всего два дня!

Кросс кивнул.

- Два дня, а уже нарушение правил.

Я сжала зубы. Каждое мое слово лишь усугубляло ситуацию.

- Вы сказали, что хотите поработать с моими проблемами, - напомнила я ему и подавила нарастающую панику.

Кросс сосредоточил на мне взгляд и чуть наклонился вперед над столом.

- На самом деле я действительно планировал этим заняться. - Он встал и обошел стол. - Тогда перейдем к делу, - прошептал он и подошел ближе.

Нет выбора

- Вы хотите, чтобы я что-то украла? - с недоверием я попыталась осмыслить услышанное.

- То, как ты это называешь, звучит совершенно неправильно, - успокоил меня Кросс. - Но ты ведь теперь воровка.

Это было шуткой, ведь так?

- Вы как-никак мой учитель! - напомнила я ему. - Это, наверное, тест? Какой-нибудь психологический? - Я развернулась на стуле и начала искать глазами камеру. За мной наблюдали? Испытывали меня?

Кросс рассмеялся и пригладил волосы.

– Конечно, я не утверждаю, что ты будешь действовать противозаконно. Речь, скорее, идет о твоём желании серьезно проанализировать собственные проступки.

Наверное, я посмотрела на него с подозрением, поэтому учитель одарил меня уверенной улыбкой.

– Мы хотим поработать над твоими проблемами вместе с тобой, Эбигейл. Поэтому мы создадим для тебя такую же ситуацию, в которой раньше ты выбирала неправильный путь. Но на этот раз ты сделаешь это сознательно, а потом мы обсудим, как это произошло.

Это же полное сумасшествие!

– Я знаю, почему я принимала... неверные решения, – объяснила я. – Никому и никогда я не желала зла, но...

Кросс поднял руку и этим перебил меня.

– Конечно, нет. Меньше всего оказавшиеся здесь дети хотят подобного. Но сейчас именно ты сидишь передо мной, и участие в программе по управлению проблемами обязательно для всех учеников.

– И как кража поможет мне справиться с моими трудностями? – Я с сомнением сощурила глаза. Мне все это не нравилось. – А если бы я была убийцей, школа потребовала бы от меня еще одного убийства?

Кросс фыркнул.

– Убийцы сразу отправляются в тюрьму, а не в Даркенхолл. – Он дружелюбно взглянул на меня. – Не каждый получает второй шанс, Эбигейл. Ты упустишь свой, если откажешься сотрудничать.

Он достал из папки нарисованный от руки эскиз и протянул мне его.

– С разрешения руководства школы ты, как участник программы, украдешь вот это кольцо.

– Я не буду этого делать! – отказалась я.

– Не беспокойся, Эбигейл. Кольцо принадлежит семье Тремблэй. Твое общение с Тристаном, возможно, поможет тебе добраться до украшения, Маргарет-Мод, конечно же, в курсе. Кольцо затем вернется в семью. Речь идет не о самой краже, а о том, что с тобой произойдет в этот момент. – Он положил рисунок на стол и указал пальцем на кольцо. – Поэтому ты должна отнестись к делу со всей ответственностью. Ты должна разыскать кольцо и незаметно его украсть. Не думай об этом слишком долго. Поступай так, как ты обычно поступала. А затем мы обсудим результат.

Я до сих пор не могла поверить в услышанное. Непременно поинтересуюсь у Эсме и Жасмин, действительно ли Кросс серьезно к этому относился.

– Ты хорошо запомнила кольцо? – спросил Кросс и внимательно посмотрел на меня. – Ты поняла задание?

– Я... я, думаю, да, – начала заикаться я, еще пребывая в шоке от происходящего. – Но... я не знаю, хочу ли я... это делать.

Я ощутила, как от одной только мысли об этом, по венам уже бежал адреналин. С другой стороны, я боялась. А что, если я не хотела, чтобы Кросс рассуждал о моих поступках? Что, если он узнал, что... темные силы внутри меня... нравились мне... я любила их в себе больше всего?

Качая головой, я отправилась к двери. Мне стало страшно от собственных мыслей.

– Я должна идти! – объяснила я, не показывая своих настоящих чувств.

Кросс улыбнулся.

– Подумай, Эбигейл. Только тот, кто умело волеется в коллектив, станет частью школьного общества. Ты знаешь, как выглядит альтернатива. Твои родители наверняка не хотели бы увидеть свою дочь в колонии для несовершеннолетних.

– Что? – Его слова острым ножом прошлись по старой ране. – Мои родители? – прошептала я и остановилась. – Моих родителей больше нет в живых, – невозмутимо разъяснила я ему. Горло сжалось, и я бессильно сглотнула. – Этим вы не сможете мне угрожать, – прошептала я.

Кросс покачал головой.

– Может, и так. А может, и нет. – Он пожал плечами, будто смерть моих родителей каким-то образом касалась этого разговора. – Тебе никто не угрожает. Каждый в Даркенхолле желает тебе добра. Но мы сможем помочь тебе, если только ты позволишь помочь. Ты... должна работать вместе с нами. Доверять нам. – Он открыл дверь и ободряюще улыбнулся. – Ты примешь правильное решение, не так ли?

Он отошел в сторону, и я, еле передвигая ногами, прошла мимо него. Внезапно я почувствовала упадок сил, с каждым шагом рюкзак бил меня по ногам, а сердце дико стучало. Я не могла поверить в произошедшее. Повернув за угол, бросила сумку и остановилась. Прислонилась к стене, тяжело дыша, и подождала, пока пульс не придет в норму.

Как кража поможет решить мои проблемы? Осознавал ли Кросс, что происходило во мне от одной только мысли об этом?

Я едва могла дышать, прижала кулак к сердцу в надежде улучшить тем самым свое самочувствие. Запрокинула голову и очень медленно набрала воздух в легкие. Что я должна была делать? Я не хотела ни под кого прогибаться в Даркенхолле, но разве у меня оставался выбор?

– Эбигейл? Все в порядке? – из сомнений меня вырвал озабоченный голос. Открыв глаза, я увидела напротив Маргарет-Мод. Слегка наклонив голову, она стояла так прямо, что казалось, будто к ее спине привязали палку, на лице читалось что-то вроде сочувствия. – Что-то случилось?

– Нет, – отмахнулась я, наклонилась за рюкзаком, чтобы снова сбежать, и посмотрела в сторону выхода. Я молилась, чтобы она не распознала во мне неуверенность. – Всего хорошего. Я... уже уйду, – пробормотала я и постаралась протиснуться мимо нее, при этом выдавив из себя убедительную улыбку, на какую только была способна. Очевидно, мне это удалось, потому что

директриса благосклонно кивнула.

Взгляд сам собой опустился на ее тонкие пальцы. Она носила кольцо, но оно не имело ничего общего с тем, что показывал на рисунке Кросс.

– Очень хорошо, – сказала она. – Нам очень интересно, как ты... проявишь себя в Даркенхолле. Мы очень счастливы, что ты здесь. Можешь доверять нам, мы желаем тебе только самого лучшего. – Она сделала шаг назад, так чтобы я смогла пройти.

Обрадовавшись этому и закинув рюкзак на плечо, я отправилась дальше. Спустившись по лестнице, пересекла большой холл и вышла во двор. Когда я оказалась внизу, то почувствовала дрожь в ногах. Немного поразмыслив, направилась к полукруглой лавочке в парке под старым дубом. Опустившись на нее, я попыталась понять, что сейчас произошло. С помощью резкого вкуса мятной жвачки решила перебить горечь, подкрадывающуюся от желудка к горлу. От внутреннего беспокойства я вздрогнула. Оно проснулось во мне уже тогда, когда я разглядывала Маргарет-Мод. Я ощущала этот запретный трепет, адреналин, потому что думала только об одном: как бы незаметно стянуть с ее пальца золотое кольцо. Я знала, мне не стоило бояться, это не повлечет за собой нежелательных последствий, ведь, как я поняла, Маргарет-Мод была посвящена в курс дела.

– Ее кольца меня не интересуют! – воскликнула я и достала карандаш. Вырвала страницу из тетради, заточила грифель, и вот мои пальцы уже взлетели над бумагой. Я не думала, просто позволила себе творить. Как по мановению волшебной палочки, у меня появилась идея. Я быстро сделала набросок кольца. С листа на меня смотрело не громоздкое обручальное кольцо Маргарет-Мод с роскошным драгоценным камнем, а по памяти нарисованное кольцо с эскиза Кросса. Широкое, из... золота, наверное? Цвет на черно-белом рисунке невозможно было различить. С острыми краями, будто неотшлифованное. Без особого орнамента, только с выгравированными странными символами, украшающими широкую поверхность. Я не могла сказать, что за символы были на кольце. Словно они повлияли на меня, и, хотя раньше фантазия помогала мне переносить воспоминания на бумагу, при зарисовке деталей мой карандаш останавливался. Я не могла нарисовать какие-то другие символы вместо тех, которые даже не разглядела.

– Проклятье! – выругалась я и чуть облизнула графит, чтобы добавить мягкого затенения. Затем убрала карандаш и ножечек и окинула взглядом свою картину. Конечно, выглядела она незаконченной и совсем не красивой, но дело было не в моих способностях, а в самом кольце. Грубое. Даже массивное. Старинное и созданное вовсе не для женщины. В каком-то смысле оно даже не походило на украшение.

– Если я должна что-то украсть, почему тогда не какую-нибудь симпатичную вещицу? – прошептала я и провела пальцем по кольцу. Графит размазался, а я закрыла глаза перед нечетким рисунком. – Я не буду это делать! – произнесла я и вытянула жвачку. – Это наверняка какой-то тест, который я не пройду. – Возможно, об этом и шла речь. Как только я украду кольцо, то сразу отправлюсь в тюрьму. – Я не собираюсь это делать, – попыталась убедить я сама себя.

Но почему тогда я чувствовала это стремление? Это... напряжение? Это проклятое предвкушение?

– Я НЕ буду это делать! – поклялась я себе и сжала руку в кулак. Кровь пламенем побежала по венам, а сердце бешено заколотилось. – Я даже не знаю, где находится это гребаное кольцо!

Ожидание

– Чем вчера занимался? Ты не пришел на занятия, – спросила я Тристана в столовой, когда он встал за мной у раздачи.

– Скучала по мне? – интонация, как всегда, звучала дразняще, но его глаза были красные, и я задалась вопросом, все ли у него хорошо. Он заболел?

– Скучала? – Я попыталась не показывать свое беспокойство. – И не мечтай! Я продвинула поднос дальше и начала изучать выбор продуктов.

– Ну, по крайней мере, ты заметила, что меня не было, – он не сдавался.

Я закатила глаза.

– Суп, пожалуйста, – я заказала еду. – Я обнаружила твое отсутствие лишь потому, что мне открылся потрясающий вид на милого парня на первом ряду. – Я ухмыльнулась и невинно убрала волосы со лба. – Как его, кстати, зовут?

Тристан громко засмеялся.

– Ты имеешь в виду того маленького блондина с толстыми линзами на очках? Это Колин. Я с удовольствием представлю ему тебя.

– Обязательно! – серьезно кивнула я и взяла чашку горячего супа. – Не могу дождаться. – Затем я взяла поднос и отправилась на девчачью сторону столовой. Я под села к Жасмин и Эсме, которые остановили свой выбор на курице с соусом карри. Они разговаривали о британском парламенте и нижней палате, потому что мы только что проходили это на занятии.

Я особо не следила за ходом беседы и оглядывалась. Взгляд сам останавливался на Тристане, который и вправду сидел рядом с Колином.

– Только не это! – тихо выругалась я и сверкнула на него глазами. По его улыбке стало ясно, что он не воспринимал меня всерьез.

Глупым образом я не понимала ни слова из того, что он говорил Колину. Он же не осмелится рассказывать ему всякий бред?

Колин повернулся ко мне и кивнул, когда Тристан что-то сказал ему.

– Вот, черт! – прорычала я и встала. Я чувствовала на себе взгляд Эсме, когда я отправилась на другую сторону столовой, игнорируя свой суп.

– Эй! – закричал кто-то сзади, и мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этот голос. – Тебе сюда нельзя! – орал Гвинед.

Все повернули головы на меня, и я сжала зубы. С покрасневшим лицом, я подошла к Тристану и злобно посмотрела на него.

– Можно тебя на минутку?! – проворчала я и схватила его за руку. Я протащила его за собой мимо ругающегося Гвинеда и вывела из столовой. – Что это значит? – прикрикнула я на него и сдула волосы с глаз.

Тристан лишь ухмыльнулся.

– Я думал, ты хотела, чтобы я расспросил для тебя Колина... – Он сделал абсолютно невинное выражение лица, на которое я бы купилась, если бы не подергивание уголков его рта.

– Ты прекрасно знаешь, что это была шутка!

– Так, значит, ты все-таки хоть немного, но скучала по мне?

– Нет! – пробурчала я, я ненавидела чувствовать себя уличенной. – У меня нет времени на такую чепуху. – Я разглядела дурацкую школьную форму. – Мистер Кросс хочет поработать над моими проблемами, и... – Не знала, могла ли я рассказать Тристану о своем задании, или это нарушило бы правила испытания, поэтому я промолчала, и вместо этого сжала в руке ткань юбки. – Я... была... очень занята, – пробормотала я уклончиво.

Я понятия не имела, как он отнесся бы к тому, что наш учитель требовал от меня украсть фамильное кольцо. Даже несмотря на то, что Кросс называл это испытанием.

– Занималась разглядыванием Колина? – подначивал меня Тристан.

– Какой же ты... – Я шагнула к нему, но он увернулся.

– Воу-воу! – Он предостерегающе поднял палец. – Заметно, что ты еще не закончила курс тренировок по антиагрессии. Такой избыток гнева! – шутил он.

– Кстати! Ты хотел договориться о назначении нового времени для меня.

Тристан потер шею, будто я затронула неприятную для него тему.

- Ты должна показаться завтра в тренировочном зале, - объяснил он нехотя и посмотрел на меня. - Потом... будешь лучше разбираться.

- Ах, правда? Как так? Что там происходит? Промывка мозгов у боксерской груши или что? - Я замерла, поставив руки в боки.

- Не думай об этом, - ответил Тристан и мягко толкнул меня в плечо. - Мой брат ничего тебе не сделает. - Тот факт, что он, говоря это, не смотрел мне в глаза, не остался незамеченным мной.

- Твой брат? - В голове я представляла взрослого спортсмена, в узких трико, походившего на Арнольда Шварценеггера.

Тристан кивнул.

- Бастиан. Он... хорошо знает свое дело.

- А что именно он делает?

Тристан покачал головой.

- Он заставит тебя попотеть, но это не причинит тебе боли. Обещаю.

- Прекрасно!

Тристан показал на столовую.

- Твой суп остынет, если мы быстрее не вернемся.

- Забудь про суп! - пробурчала я, потому что у меня пропал аппетит. Я не возьму и куска в рот, не разобравшись, что за странные методы терапии применялись в Даркенхолле. Потеть в тренировочном зале, украсть кольцо для преподавателя математики... как это поможет?

- Ну, давай, Эбби. - Тристан нежно провел по моим сиреневым волосам, и это действительно вырвало меня из раздумий. - Тот, кто не съест свой суп из клея

для обоев, не имеет права передвигаться по школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь идет о хлопковой диете, при которой в пищу употребляются смоченные в соке ватные шарики. Опасна для здоровья. (Прим. ред.)

2

В деловом мире: аналитик и стратег, способный предвидеть развитие рынка, повлиять на него. (Прим. ред.)

3

Сиденье в лодке для академической гребли. (Прим. пер.)

4

Способ держания рукоятки весла. (Прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.me/ru/bold_emili/teni-spletennye-t-moy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)